

РАЗСКАЗЫ, ЗАМѢТКИ И АНЕКДОТЫ

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ

ЕЛИСАВЕТЫ НИКОЛАЕВНЫ ЛЬВОВОЙ

[род. 1788, ум. 1864 г.].

Профессоръ И. В. Помяловскій приобрѣлъ однажды, между книгами, три переплетенныя рукописныя тетрадки въ малую осьмушку, которыя и предоставилъ въ распоряженіе «Русской Старины».

Тетрадки написаны женскимъ почеркомъ и первая изъ нихъ озаглавлена такъ:

«Нѣкоторые анекдоты людей извѣстныхъ, умныхъ и по душѣ пріятныхъ»—1854 г. 12-го октября. Первая часть.

Загѣтъ, вторая тетрадка: «Продолженіе анекдотовъ,—часть вторая», и третья тетрадка: «Продолженіе анекдотовъ,—часть четвертая».

Части третьей не оказалось; вѣроятно, она утрачена торговцемъ-букинистомъ.

Хотя фамилія автора на рукописи не означена, но изъ содержанія разсказовъ, въ которыхъ авторъ часто говоритъ отъ собственнаго лица и упоминаетъ о различныхъ членахъ фамиліи Львовыхъ, называя ихъ по именамъ и отчествамъ—скоро можно догадаться, что авторъ Записокъ ни кто иной какъ—Елисавета Николаевна Львова.

Елисавета Николаевна была дочь тайн. сов. Николая Александровича Львова, извѣстнаго писателя въ XVIII вѣкѣ, строителя, прожектора, умершаго въ 1803 году. Онъ былъ женатъ на Марьѣ Алексѣевнѣ Дьяковой, сестра которой, Дарья, вышла въ 1795 г. замужъ за поэта Державина, ближайшимъ другомъ котораго былъ Николай Александровичъ Львовъ.

У Николая Александровича былъ двоюродный братъ Ѳеодоръ Петровичъ Львовъ, женатый въ первомъ бракѣ на Березиной, внучкѣ Дьякова—шурима Державина и Николая Львова. Потерявъ первую жену, Ѳеодоръ Петровичъ Львовъ остался съ нѣсколькими дѣтьми, изъ которыхъ старшій былъ Алексѣй Ѳеодоровичъ,—знаменитый впоследствии композиторъ и авторъ, между прочимъ, музыки къ гимну «Боже Царя храни». Ѳеодоръ Петровичъ Львовъ († 1836 г.) женился во второй разъ въ 1810 г. на своей племянницѣ

Елисаветъ Николаевичъ Львовъ — дочери Николая Александровича Львова, составительницѣ представляемыхъ книгъ «Разсказы» и книгъ композитора Алексѣя Фёдоровича Львова, которому она, впрочемъ, вполне замѣнила родную мать, любила и гордилась имъ, какъ видно изъ этихъ же Записокъ, какъ роднымъ сыномъ.

Елисавета Николаевна Львова, рано потерявъ отца (1803 г.) и мать (1807 г.), росла и воспитывалась въ домѣ поэта Державина, жена котораго была ея родная тетка. Мяситный поэтъ очень любилъ Елисавету Николаевну и, между прочимъ, ей диктовалъ «Объясненія» на свои сочиненія, которыя и были изданы ея мужемъ Ф. П. Львовымъ въ 1835 г. Она умерла въ 1864 году, на 76-мъ году отъ рожденія¹⁾. По своимъ родственнымъ связямъ и общественному положенію, — она могла многое знать о томъ, что происходило въ высшихъ сферахъ общества, и разсказы ея — вполне интересны. Ред.

Кто-то спросилъ у покойнаго великаго князя Михаила Павловича: «Quelle journée a été la plus terrible pour l'Empereur, le 7 Novembre ou le 14 Décembre?» Le Grand-Duc répondit:

— «Le 14 Decembre l'Empereur Nicolas a eu affaire aux hommes et le 7 Novembre l'Empereur Alexandre a eu affaire à Dieu!»

Вы должны знать, друзья мои, что было ужасное наводненіе въ Петербургѣ, 7-го ноября, и государь Александръ Павловичъ самъ присутствовалъ на погребеніи 278 тѣлъ, которыя погибли на чугунномъ заводѣ въ Екатерингофѣ; а сколько людей погибло около Петербурга! — Тогда же учрежденъ былъ комитетъ для вспоможенія всѣмъ, которые пострадали отъ наводненія. А 14-го декабря былъ открытъ заговоръ противъ государя Александра Павловича, который скончался въ Таганрогѣ 19-го ноября 1825 года, и заговоръ этотъ, составленный изъ многихъ лицъ лучшихъ фамилій, имѣлъ вліяніе на государя Николая Павловича, который такъ величественно себя показалъ 14-го декабря, выѣхавъ съ твердостью на площадь Исакиевскую, въ половинѣ покрытую мятежниками. — Узнавъ, что Преображенскій полкъ и нѣкоторые другіе полки, оставшіеся царю вѣрными, тоже прибыли на площадь, Государь, будучи въ своемъ кабинетѣ въ Зимнемъ дворцѣ, при графѣ Павлѣ Васильевичѣ Кутузовѣ, открылъ евангеліе, которое всегда лежитъ (1854 г.) у него на столѣ:

— «Посмотри, — сказалъ онъ, — Павелъ Васильевичъ, какой стихъ мнѣ вышелъ: Авъ есмь пастырь добрый; пастырь добрый душу свою полагаетъ за овцы, а наемникъ, иже нѣсть пастырь, бѣжитъ!» И тутъ же Государь приказалъ подать ему лошадей и выѣхалъ на площадь, гдѣ собраны были всѣ мятежники, и графъ Милора-

¹⁾ Изъ замѣтокъ сообщ. Акад. Я. К. Гротомъ и П. Н. Петровымъ.

довичъ вскорѣ былъ раненъ пулею, отъ которой чрезъ нѣсколько дней и умеръ. Государь, видя, что нѣкоторые Преображенскіе солдаты кивали головой, какъ пули пролетали мимо нихъ, сказалъ:

— «Напрасно, служивые, виноватаго пули смущеть».

Вечеромъ, когда уже мятежники по замершей Невѣ бѣжали, то Царь приказалъ преданнымъ ему войскамъ стать на биваки около Зимняго дворца, и тяжело было видѣть его освѣщеннымъ, среди темной ночи, кострами, которые солдаты развели кругомъ его, чтобы согрѣться около огня!

[Записано 15-го октября 1854 г.].

При восшествіи на престолъ Государя Николая Павловича, однажды всѣ были собраны въ Зимнемъ дворцѣ и государя окружали всѣ его приближенные; графъ Алексѣй Ѳеодоровичъ Орловъ стоялъ поодаль; когда Государь его къ себѣ подозвалъ, тотъ, поспѣшивъ исполнить это, побѣжалъ и чуть не упалъ на скользкомъ паркетѣ. Башмаковъ удержалъ графа и сказалъ:

— Prenez garde, Comte, les parquets de la Cour sont glissants.

— Jamais ils ne le seront pour vous, Orloff,—dit l'Empereur en lui tendant sa main avec amitié.

Не смотря на очень холодную зиму въ 1830 году, Государь Николай Павловичъ всегда ходилъ гулять по Невской набережной. Однажды онъ видитъ, что передъ нимъ идетъ человекъ въ холодномъ сюртукѣ и согрѣваетъ руки своимъ, то кладя ихъ въ карманъ, то дыша на нихъ. Государь ускорилъ шагъ и, нагнавъ его, торопливо спросилъ:

— «Неужели у васъ одинъ сюртукъ?»

— Шинель отдавъ въ починку,—отвѣчалъ ему бѣдный человекъ.

— «Ступайте скорѣе на гауптвахту,—съ поспѣшностью сказалъ Государь,—на гауптвахту», и самъ шибче съ нимъ пошелъ—стараясь по дыханію бѣднаго узнать—не пьянъ-ли онъ; но видя, что этого нѣтъ, и разспросивъ его дорогой, узнаетъ, что онъ учитель русскаго языка въ Первомъ кадетскомъ корпусѣ и что уже 18 лѣтъ онъ тамъ преподаетъ. Самъ этотъ учитель рассказывалъ, что онъ сначала понять не могъ, за что его Государь за холодный сюртукъ посылаетъ на гауптвахту, и послѣ раздумалъ, что тамъ было тепло и онъ совершенно тамъ согрѣлся, когда отъ имени Государя принесли ему теплую шинель и онъ пошелъ домой самымъ счастливымъ человекомъ; но Государь такъ это не оставилъ, послалъ за генераломъ

Клингенбергомъ, который былъ тогда начальникомъ всѣхъ корпусовъ, и, увидя его, спросилъ:

— «Кто у тебя преподаетъ въ Первомъ корпусѣ русскій языкъ?»

— Кажется, Ивановъ, Ваше Величество.

— «Каковъ онъ?»—спросилъ государь.

— Бѣдный, но очень хорошій человекъ,—отвѣчалъ Клингенбергъ,—болѣе 18-ти лѣтъ, какъ онъ у насъ профессоромъ.

— «И тебѣ не стыдно,—сказалъ Государь,—что онъ въ сегодняшний морозъ шлеть изъ корпуса въ одномъ сюртукѣ. Пошли за нимъ, опредѣли ему двойное жалованье, которое обратить ему въ пенсію какъ перестанетъ служить».

Не разъ вы слышали, друзья мои ¹⁾, про графа Аракчеева и какъ трудно было А. Θ. Львову, выйдя изъ института путей сообщенія, идти къ нему служить; онъ принужденъ былъ это сдѣлать, потому что Государемъ Александромъ Павловичемъ приказано было перваго офицера, кончившаго курсъ и котораго имя золотными буквами выставлено было на доскѣ въ институтѣ, непременно отправить на военное поселеніе, гдѣ производились большія постройки. Въ книжкахъ, что писалъ А. Θ. Львовъ, вы увидите, какъ трудно было ему служить у графа Аракчеева, который, однако, его любилъ и старался отличать его. Однажды А. Θ. Львову очень было пріятно: пріѣхалъ на поселеніе Государь Александръ Павловичъ съ большою свитою и вмѣстѣ съ нимъ царствующимъ Государемъ Николаемъ Павловичемъ ²⁾, бывшимъ тогда великимъ княземъ. Графъ, показавъ Государю постройки А. Θ. Львова, сказалъ:

— Вотъ Львовъ, Ваше Величество, онъ ихъ производилъ; отличный офицеръ.

А. Θ. Львовъ низко кланялся, какъ вдругъ великій князь Николай Павловичъ, обернувшись къ нему, спрашиваетъ:

— «Не братья-ли ваши служатъ у меня въ Измайловскомъ полку?»

— Братья родные (Илья и Василій Ѳеодоровичи),—отвѣчалъ Алексѣй Ѳеодоровичъ Львовъ.

Великій князь сказалъ государю:

— Отличные офицеры, Ваше Величество.

За нѣсколько дней предъ этимъ, маркизъ Пауллучи, у котораго Петръ и Николай Ѳеодоровичи Львовы служили въ Ригѣ, представляя ихъ къ награждѣ, сказалъ Государю:

¹⁾ Елисавета Николаевна Львова обращается къ своимъ внукамъ, дѣти которыхъ и писавы ею эти рассказы.

²⁾ Писано въ 1854 г.

— Отличные офицеры, Ваше Величество!

Не истинное-ли счастье было отцу этихъ офицеровъ *О. П. Львову* слышать это и какъ трудная служба *А. О. Львова* была полезна ему впередъ! Когда графъ Бенкендорфъ сталъ просить у Государя Николая Павловича *А. О. Львова* къ себѣ въ адъютанты, Государь сказалъ: .

— «Возьми его, отличный офицеръ, восемь лѣтъ выслужилъ у графа Аракчеева».

Трудно представить себѣ какъ служба при Аракчеевѣ была тяжела, а оставить ее было невозможно, потому что графъ Аракчеевъ никогда не прощалъ тому, кто перемѣнялъ службу у него на другую, и какъ ни трудна она была, но и теперь *А. О. Львовъ* (1854 г.) часто вспоминаетъ сколькимъ онъ обязанъ былъ графу Аракчееву, который истинно его цѣнилъ.

Въ 1833 году Государь Николай Павловичъ съ Императрицею посѣтили помѣстье графа Бенкендорфа Фалль, близъ Ревеля. Надобно же такъ случиться, что *А. О. Львовъ* пріѣхалъ въ Ревель именно 25-го мая, въ день своего рожденія, на мѣсто, гдѣ онъ родился, черезъ 34 года. Миѣ жаль было, что *А. О. Львовъ* не сказалъ объ этомъ графу; это событіе, конечно, заняло бы и Царя по милостивому его расположенію къ *А. О. Львову*. Государь, увидѣвъ всячій мостъ, что *А. О. Львовъ* построилъ въ Фаллѣ, на очень быстрой рѣчкѣ, шириною въ 100 футъ, сказалъ:

— «Это Львовъ свой смычокъ перекинулъ съ берега на берегъ».

И точно, мостъ всѣхъ и по сію пору удивляетъ своею легкостью и заставилъ самого Государя замѣтить, что *А. О. Львовъ* не попустому учился въ институтѣ путей сообщенія.

Въ 1833 году, когда графъ Бенкендорфъ доложилъ Государю, что *А. О. Львовъ* написалъ, по его приказанію, народный гимнъ, то и собраны были въ пѣвческой капеллѣ цѣлый оркестръ и всѣ пѣвчіе. Государь съ Императрицею и великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ пріѣхали ъ, выслушавъ «Боже Царя храни»; Государь сказалъ: «Еще». Въ другой, въ третій и, наконецъ, въ четвертый разъ прослушавъ эту музыку, Государь подошелъ къ *А. О. Львову*, обнявъ его и, крѣпко поцѣловавъ, сказалъ:

— «Спасибо, спасибо, прелестно; ты совершенно понялъ меня».

О. П. Львовъ и я находились тогда въ залѣ, и вы можете себѣ вообразить какъ сердце у насъ радовалось, видя какъ *А. О. Львовъ* своимъ талантомъ угодилъ Царю; но до 6-го декабря прошло три мѣсяца и о музыкѣ «Боже Царя храни» ни слова не было слышно;

знали мы, что многіе новую музыку сочиняютъ на эти слова, что даже у Императрицы въ гостиной поютъ и играютъ сочиненія эти, что Царь слышитъ и ни слова не говоритъ; какъ вдругъ узнаемъ, что онъ приказалъ 6-го декабря (1833 г.), въ Москвѣ, въ Большомъ театрѣ, послѣ спектакля спѣть и сыграть А. Θ. Львова «Боже Царя храни». Вы можете себѣ вообразить какое эта музыка сдѣлала впечатлѣніе на всѣхъ; вся публика (весь театръ былъ полнъ) стояла во все время, пока три раза, по ея требованію, гимнъ этотъ повторялся, и прислали пышное описаніе сюда—какъ приняли московскіе жители сію молитву русскаго народа. Но Государь ни слова А. Θ. Львову не говорилъ и, наконецъ, 25-го декабря (1833 г.), въ день, въ который празднуютъ изгнаніе французовъ изъ Россіи, «Боже Царя храни» было играно во всѣхъ залахъ Зимняго дворца, гдѣ были собраны войска. Θ. П. Львовъ безъ слезъ слышать не могъ равнодушно это сочиненіе; А. Θ. Львовъ былъ тогда дома; онъ не могъ рѣшиться ѣхать во дворецъ въ этотъ день, зная, что «Боже Царя храни» играть и пѣть будутъ, и утѣшенъ былъ крайне, получивъ отъ графа Бенкендорфа слѣдующую записочку:

«Mon cher ami, on a joué votre belle composition; on ne pouvait pas la produire plus dignement dans le monde, que pour ce jour de gloire et de bonheur pour la Chretienté et la Russie. L'Empereur est enchanté de ce morceau. Il me charge de vous dire, que le Prince d'Orange en est extasié et que vous ayez à lui porter vous même la musique avec les paroles, car il désire faire votre connaissance. A. Benkendorff».

«25 Decembre 1833».

Въ 1834 году однажды А. Θ. Львовъ приглашенъ былъ на вечеръ къ Императрицѣ, которая приняла его въ своей купальнѣ: небольшая комната, изящно отдѣланная, гдѣ бьетъ ключъ въ большую, необыкновенной красоты, раковину и оттуда вода льется уже въ бѣлаго мрамора ванну. Онъ нашелъ тутъ Императрицу, всѣхъ великихъ князей и князей, графа Вильгорскаго и Толстаго; едва комната была освѣщена слабымъ свѣтомъ покрытой лампы и Императрица, услышавъ, что идетъ Государь по его маленькой лѣстницѣ къ ней, предложила всѣмъ запѣть гимнъ: «Боже Царя храни» въ полголоса; первая сама запѣла. Государь, услышавъ пѣніе, остановился и потомъ, весь въ слезахъ, сошелъ и кинулся цѣловать Царицу и всѣхъ дѣтей.

Вы можете себѣ представить, что происходило тогда въ душѣ А. Θ. Львова; Царица позвала его, зная какое ему будетъ наслажденіе видѣть—въ какія счастливыя минуты молитва его поется....

[Писано 28-го ноября 1864 г.]

Вы будете читать въ книжкахъ, что писалъ для васъ А. Θ. Львовъ, какъ составились при дворѣ концертные вечера домашніе, въ которыхъ Императрица, Государь, всѣ великіе княжны и князья съ самыми приближенными людьми участвовали. Государь, играя на трубѣ, поручилъ А. Θ. Львову всегда за нѣсколько минутъ передъ концертнымъ вечеромъ приходить къ нему въ кабинетъ, чтобы проиграть съ нимъ его партію. Однажды А. Θ. Львовъ, войдя въ кабинетъ, нашелъ у Государя князя Александра Николаевича Голицына, тогдашняго канцлера всѣхъ русскійхъ орденовъ. Государь сталъ проигрывать свой голосъ и такъ какъ у него отличный слухъ и *embouchure*, А. Θ. Львовъ, обратясь къ князю Голицыну, сказалъ:

— Чудная сила и вѣрность у Государя.

— «*Vil flatteur*»,—dit l'Empereur, en se retournant ayant le sourcil sur les lèvres.

— Je n'en aurai rien dit, Votre Majesté, si ce n'était pas la vérité,—отвѣчалъ А. Θ. Львовъ.

Вслѣдствіе этихъ музыкальных вечеровъ, однажды, 3-го августа 1834 г., въ Петергофѣ Императрица приносить А. Θ. Львову гравированную картинку, что у меня (1854 г.) виситъ, говоря:

— «*M-r Lvoff, voilà le portrait de mon mari pour vous*».

Что же А. Θ. Львовъ на картинкѣ видитъ?

Представляя человѣкъ, играющій на тромбонѣ съ такимъ восторгомъ, что не примѣчаетъ, что уже два часа съ половиной ночи, что отъ его музыки ребенокъ раскричался, что свѣчки у пушета догорѣли и что его никто уговорить не можетъ перестать играть.

Государь, увидя картинку, сказалъ:

— «*Oui, oui, c'est mon portrait, c'est moi qui joue du trombon*».

Самыя эти слова написаны мною позади картинки.

А. Θ. Львовъ сочинилъ музыку на молитву «Отче нашъ». Государь, услышавъ ее и какъ она ему понравилась, сказалъ Львову, что онъ желаетъ, чтобы она и его-же «Иже Херувимская пѣснь» остались при служеніи во дворцѣ. А. Θ. Львовъ принялъ это приказаніе съ большою радостью, но какъ однажды Государь ему сказалъ:

— «Пусть управляющій клиросомъ взглянетъ на меня и я ему дамъ знакъ головой, когда угодно мнѣ будетъ, чтобы спѣли «Отче нашъ» Бортнянскаго»,— то всегда это и дѣлалось.

А. Θ. Львовъ и сказалъ Государю: «Ваше Величество, если угодно вамъ, чтобы и мое «Отче нашъ» пѣли, то нуженъ условный знакъ».

— «Это правда»,—отвѣчалъ Государь и, подумавъ немного, ска-

заль: «Когда я захочу слышать Бортнянского музыку, то сделаю знакъ головой, но когда твою, то сложу руки на грудь!»

Въ первый разъ послѣ этого, что я услышала въ Царскомъ Селѣ въ дворцовой церкви А. Θ. Львова «Отче нашъ» и вспоминая слова Государя, и представивъ себѣ какъ онъ, могучій государь, сложивъ руки на грудь, съ покорностью повторяетъ: «Да будетъ воля Твоя», у меня такъ и брызнули слезы. Потомъ онъ говорилъ А. Θ. Львову, что всегда со слезами слышитъ его «Отче нашъ».

Теперь его нѣтъ съ нами и отъ мысли этой едва вижу, что пишу, и вспоминаю столько его дорогихъ рѣчей! Онъ говорилъ, что «когда онъ у обѣдни, то онъ рѣшительно стоитъ передъ Богомъ и ни о чемъ земномъ не думаетъ». Надобно было его видѣть у обѣдни, чтобы увѣриться въ этихъ словахъ; законъ такъ твердо запечатлѣнъ былъ въ душѣ его и въ дѣйствіяхъ его—это было и видно — безъ всякаго ханжества или фанатизма; какое почтеніе онъ имѣлъ къ святымъ, какъ требовалъ, чтобы дѣти и внуки, безо всякаго развлеченія, слушали обѣдню. Я очень помню, однажды увидѣла я изда- лека его ѣдущаго на дрожкахъ въ Петергофъ по аллеѣ Самсонов- ской; вдругъ вижу, что онъ сошелъ съ дрожекъ, снялъ свою бѣлую фуражку, потомъ сѣлъ и поѣхалъ далѣе. Подошла я къ часовому, что тутъ стоялъ, и спросила: видѣлъ-ли онъ, что Государь сходилъ съ дрожекъ и снималъ свою фуражку?

— Видѣлъ,—отвѣчалъ часовой,—возлѣ сада везли покойника, Го- сударь остановился, снялъ фуражку, перекрестился и поѣхалъ далѣе.

Какъ часто я и другіе видали, что онъ съ благоговѣніемъ крестился ѣхавъ мимо церкви, и дѣлалъ это такъ просто, что видно было, что онъ находилъ въ этомъ наслажденіе души!

[Писано въ 1855 г., мартъ].

Въ 1835 году 17-го сентября, Государь Николай Павловичъ, вмѣстѣ съ австрійскимъ императоромъ и прусскимъ королемъ, положили основаніе памятника на мѣстѣ, гдѣ было сраженіе Кульмское, извѣстное тѣмъ, что четыре русскіе полка противостояли и пробились между 40-тысячнымъ непріятельскимъ корпусомъ. Государь тутъ вспомнилъ, что Ермоловъ и графъ Остерманъ-Толстой за это славное дѣло не были награждены Государемъ Александромъ; тотчасъ, съ самаго мѣста, послалъ двухъ фельдъегерей съ андреевскими знаками къ Ермолову и Толстому, что несказанно ихъ обонѣ обрадовало. Нѣсколько времени спустя, Государь увидѣлъ во дворцѣ, въ Москвѣ, Ермолова, который, наклоня голову, подошедъ къ Царю, сказалъ:

— Благодарю, благодарю и благодарю.

— «Не тотъ благодарить,—сказалъ Государь,—кто получаетъ, а тотъ кто награждаетъ».

Въ 1831 году появилась у насъ холера и до 1836 года нѣсколько разъ уже свирѣпствовала въ Петербургѣ; въ этотъ годъ занемогъ ея графъ Бенкендорфъ и такъ какъ Государь собирался ѣхать въ вояжъ, какъ обыкновенно онъ ѣздилъ въ концѣ августа по Россіи, то графъ, вышедъ изъ его кабинета въ Петергофскомъ дворцѣ и нашедъ А. О. Львова на балконѣ близъ кабинета, сказалъ ему:

— Я не могу, по причинѣ болѣзни, ѣхать съ Государемъ, а ѣдетъ Орловъ, но Государь сказалъ мнѣ: дай мнѣ хоть Львова.

Легко представить себѣ какъ было пріятно Львову, что такъ Государь милостиво о немъ вспомнилъ. На другой день Государь уѣхалъ и я проводилъ А. О. Львова; въ Александровъ день, услышавъ, что графъ Бенкендорфъ, по болѣзни, еще не выѣзжаетъ, но принимаетъ къ себѣ, я и поѣхала его поздравить съ именинами; онъ меня очень любезно принялъ, извинился, что въ шинели, сталъ мнѣ хвалить А. О. Львова, говоря, что какъ Государь его любитъ, и пр.

— Вамъ мы за все это обязаны, графъ,—сказала я ему,—и Государь бы его такъ не зналъ, если бы вы ему его такъ-бы не откомендовали.

— Конечно,—отвѣчалъ графъ,—вотъ и послѣдній разъ, когда я отказался по болѣзни ѣхать съ Государемъ, я поспѣшилъ ему сказать: позвольте хоть Львову ѣхать съ вами!

Онъ и забылъ, что, выйдя изъ кабинета Царя, онъ Львову царскія слова сказалъ, а нѣсколько дней послѣ мнѣ передалъ разговоръ иначе, желая себя выставить. Со всѣмъ тѣмъ, графъ былъ добрейшій и благороднѣйшій человѣкъ!

Въ 1837 году Государь Николай Павловичъ въ первый разъ пожелалъ посѣтить Кавказъ. А. О. Львовъ обстоятельно описываетъ это путешествіе и я къ этому прибавлю только нѣкоторыя слова Государя, которыя докажутъ какъ Царь былъ милостивъ въ своемъ обхожденіи съ А. О. Львовымъ.

Изъ Керчи Государь отправился на пароходѣ въ Редутъ-Кале; осенью очень жестокія бури бываютъ на Черномъ морѣ, но, не смотря на это, Государь поѣхалъ, и часто, прогуливаясь по палубѣ, въ своей старой сѣрой шинели, онъ пѣлъ нѣкоторыя молитвы и заставлялъ и А. О. Львова пѣть.

— Я не имѣю никакого голоса,—говорилъ А. О. Львовъ.

— «Не можетъ быть,—отвѣчалъ Государь смѣясь,—ты говоришь и голосъ долженъ быть».

Сдѣлалось вдругъ очень свѣжо на морѣ, пароходъ жестоко начало. А. О. Львовъ, гуляя по палубѣ съ Царемъ, который завертывался въ свою шинель и говорилъ: «Какая погода», отвѣчалъ ему:

— Да, Ваше Величество, кажется, не слѣдовало бы вамъ путешествовать по Черному морю въ сентябрѣ.

— «Да,—сказалъ Царь,—это правда; но вся Европа знала, что я ѣду на Кавказъ, и если бы я отмѣнилъ свою поѣздку, то что-бы она сказала?»

Самъ Михаилъ Петровичъ Лазаревъ рассказывалъ мнѣ (онъ командовалъ пароходомъ), что буря такъ была сильна, когда они подъѣзжали къ берегамъ, что онъ, видя опасность, которой подвергался царь,—выбиралъ скалу, о которую пароходъ долженъ бы былъ не такъ жестоко разбиться; но Господь чудомъ спасъ Царя; вѣтеръ стихъ и хотя волненіе еще было жестокое, Государь, видя, что Лазаревъ хотѣлъ на катерѣ ѣхать на берегъ, чтобы узнать, можно-ли и Государя перевезти, сказалъ ему:

— «Если ты ѣдешь, то и я могу ѣхать», и сѣлъ съ нимъ въ катеръ, и лишь ступилъ на берегъ, нѣзъ всѣхъ орудій на ближайшихъ крѣпостяхъ велѣлъ стрѣлять и возвѣстать всему Кавказу, что онъ тутъ. Вы можете себѣ представить какое это сдѣлало впечатлѣніе на весь этотъ дикій, но величественный край! Было уже темно, какъ Государь вышелъ на берегъ, который окруженъ въ близкомъ разстояніи горами. Онъ видитъ, что по ихъ хребтамъ движутся въ большомъ количествѣ маленькіе огоньки. «Что это такое?»—спрашиваетъ Государь.

— Это, Ваше Величество, немирные черкесы,—отвѣчаютъ ему,—которые прискакали, узнавъ, что вы здѣсь.

Многіе мнѣ рассказывали, что путешествіе это большое сдѣлаловліяніе на весь край, и тогда же Царь, ѣздивъ одинъ верхомъ по горамъ, привлекъ къ себѣ самыхъ немирныхъ черкесовъ и если бы довѣренныя люди, которые управляли этимъ краемъ, умѣли бы сохранить и усилить это впечатлѣніе, то по сію пору Кавказъ уже былъ бы не то, что онъ теперь есть (1855 г.).

А. О. Львовъ 14 лѣтъ всегда ѣздилъ въ путешествіяхъ Государя Николая Павловича и даже въ день свадьбы Алексѣя Федоровича, которая была 6-го ноября 1838 г., въ Анничковскомъ дворцѣ. Государь, будучи посаженнымъ отцомъ у А. О. Львова, послѣ церемоніи подошелъ меня поздравить и мою руку поцѣловалъ, а я—его,

съ большиѣмъ чувствомъ благодарности, и вдругъ онъ у меня спросилъ:
— «Не сѣтуете-ли вы на меня за то, что такъ часто я у васъ беру Алексѣя?»

Легко повѣрить какъ радостно мнѣ было это слышать. И точно. до самаго 1839 года А. Θ. Львовъ продолжалъ сопутствовать Государю. Въ 1832 году, въ путешествіи, сидя втроемъ за столомъ—Государь, Бенкендорфъ и А. Θ. Львовъ—Государь у него спросилъ:

— «Сколько тебѣ лѣтъ?»

— 33 года,—отвѣчалъ Львовъ.

— Въ его лѣта я давно уже былъ генераломъ,—сказалъ Бенкендорфъ.

— «Да, вы въ сорокѣхъ родились,—сказалъ Государь,—я самъ былъ восемь лѣтъ дивизионнымъ».

Въ 1840 году познакомились въ Эмсѣ съ извѣстнымъ композиторомъ Мейерберомъ, который сочинилъ нѣсколько оперъ; узнавъ, что онъ пишетъ новую, и чтобы сказать ему что нибудь привѣтливое, я подошла къ нему.

— Vous composez,—lui dis-je,—un nouvel opéra, et quel en est le titre?

— Je me suis donné parole,—me répondit Meyerbeer,—de ne pas le dire à personne.

— Pardonnez,—lui dis-je,—ma curiosité, mais avouez que c'était une question toute naturelle,—et notre conversation fini là.

Черезъ нѣсколько дней у Императрицы Александры Θεодоровны былъ музыкальный вечеръ и она милостиво о насъ всѣхъ вспомнила и пригласила къ себѣ. Тутъ мы нашли и Мейербера, съ которымъ—я видѣла—Императрица очень милостиво говорила; на другой день Мейерберъ приходитъ къ намъ и говорить мнѣ:

— Ce que c'est qu'une tête couronnée! Je m'étais donné parole de ne dire à personne le nom que porte mon nouvel opéra, eh bien, elle me fit la même question que vous me fîtes dernièrement, Madame de Lvoff, et je lui ai tout de suite répondu:

— «Le prophète», Votre Majesté.

Когда еще обѣ наши великія княжны, Ольга и Александра Николаевны, были не замужемъ, былъ данъ балъ въ Дворянскомъ собраніи и весь Дворъ его посѣтилъ; я была тамъ тоже и, стоя въ галлерей, вижу, что подходитъ ко мнѣ Государь, спрашиваетъ меня о здоровьи моемъ и здоровьи моей невѣстки (жены А. Θ. Львова) и потомъ сказать:

— «Я знаю—почему она не хотѣла послѣдній разъ меня принять, когда я былъ у васъ».

— Другой причины не было, Ваше Величество,—отвѣчала я,—она была нездорова и не могла принять васъ.

— «Нѣтъ, нѣтъ,—живо сказалъ Государь,—она знаетъ, что я васъ люблю, и меня къ вамъ ревнуетъ».

Я засмѣялась; «сердце сердцу вѣсть подаетъ,—отвѣчала я,—и я васъ очень люблю».

Государь тоже засмѣялся и Рибопьеръ послѣ сказалъ мнѣ:

— *Oh! j'ai bien entendu les déclarations que vous vous êtes faites mutuellement.*

Увидя великую княжну Ольгу Николаевну, я сказала Государю:

— Ваше Величество, вотъ истинная красавица!

Государь улыбнулся, глядя на нее, и сказалъ:

— «Я и отецъ, но не могу не сказать: прелесть какъ хороша!»

Федоръ Петровичъ Львовъ говоритъ въ своихъ Запискахъ: «Музыка вводитъ человека въ самого себя». Я вспомнила, что это были самыя слова Государя Николая Павловича, когда онъ услышалъ въ первой разъ концертъ, что А. О. Львовъ поднесъ ему и игралъ въ публикѣ, въ залѣ Дворянскаго собранія, въ 1841 году. Въ этомъ концертѣ въ пользу Патриотическихъ школъ участвовали всѣ любители и любительницы музыки, и Алексѣй Федоровичъ Львовъ сыгралъ тогда со всѣмъ оркестромъ свой концертъ при всемъ Дворѣ и при многочисленной публикѣ. Лишь только онъ кончилъ, Государь за нимъ прислалъ, вышелъ къ нему на встрѣчу изъ ложы, обнялъ его и сказалъ:

— «Никогда такъ музыка на меня не подѣйствовала какъ сегодня; мнѣ совѣстно было, я прятался за колонну, чтобы никто моихъ слезъ не видалъ; ты заставилъ меня войти въ самого себя!»

[Записано въ ноябрѣ 1854 г.]

А. О. Львовъ, бывъ однажды въ воляжѣ съ Государемъ Николаемъ Павловичемъ, пріѣхалъ на одну станцію (кажется, въ Минской губерніи), гдѣ предводитель былъ полякъ, очень чванный графъ, и который во всѣхъ орденахъ и въ мундирѣ ожидалъ пріѣзда Царя, приготовивъ отличный завтракъ. А. О. Львовъ, увидя его въ такомъ нарядѣ, сказалъ: «Напрасно вы такъ церемонно встрѣчаете Государя, онъ этого не любитъ; не лучше-ли вамъ переодѣться?» Но этого было сдѣлать невозможно, потому что графъ жилъ въ деревнѣ, за нѣсколько верстъ отъ станціи; онъ, видя, что А. О. Львовъ спѣ-

пить уѣхать прежде приѣзда Государя, сталъ его просить чего нибудь покушать въ особенной комнатѣ, самъ принесъ ему рябчикъ и вино, и лишь только А. О. Львовъ успѣлъ отрѣзать кусочекъ, увидя издалека коляску Государя, онъ поблагодарилъ предводителя, взялъ свою фуражку, хлопнулъ дверью, сѣлъ въ свою коляску и уѣхалъ далѣе.

Мѣсяца три спустя, вдругъ пишетъ Дарья Ѳедоровна Семенова, что она вѣрить не хочетъ слухамъ, которые дошли до нея, что будто А. О. Львовъ, увидя, что предводитель не могъ перемѣнить своего наряда, заперъ его въ особой комнатѣ и увезъ съ собою ключъ. Что же это было? Когда Львовъ съ поспѣшностью вышелъ изъ комнаты и хлопнулъ дверью, замокъ соскочилъ, а ключъ выпалъ и его у двери не нашли, что и заставило предводителя подумать, что А. О. Львовъ его заперъ, и онъ простить этого не могъ Львову и всѣмъ жаловался на него и изъ этой бездѣлицы онъ сдѣлался его врагъ. Я думаю—куда какъ невесело было предводителю сидѣть взаперти и видѣть, какъ Государь приѣхалъ и уѣхалъ не попробовавъ даже славнаго его завтрака.

Написать послѣдній разъ про Кавказъ, я вспомнила, что случилось однажды съ А. О. Львовымъ. По воскресеньямъ всегда онъ, прежде обѣдни, ѣздитъ съ докладомъ къ графу Алексѣю Ѳедоровичу Орлову. Графъ бумаги всѣ подписывалъ и отвозилъ ихъ къ Государю и часа черезъ два, послѣ обѣдни, присылалъ ихъ обратно къ А. О. Львову съ царскою подписью. Однажды, въ воскресенье утромъ, приходитъ къ А. О. Львову въ кабинетъ линейный казакъ, служившій въ конвоѣ уже болѣе 15-ти лѣтъ; слезы градомъ лились по лицу его.

— Что съ тобой?—спросилъ А. О. Львовъ.

— Горе,—отвѣчалъ казакъ.—Холерой на Кавказѣ умеръ мой отецъ и жена; пять сиротъ остались на рукахъ слѣпой матери; хлѣбъ мой выбило градомъ и къ тому же и хата моя сгорѣла. Ваше превосходительство, отпустите меня въ отпускъ!

У А. О. Львова сердце кровью облилось; онъ заставилъ тутъ же писаря, который писалъ доклады царю, написать—какъ будто уже докладъ отъ графа Орлова, въ которомъ онъ, излагая всѣ несчастія, постигшія этого казака, просить Государя отпустить казака въ отпускъ и приказать дать ему на подъемъ 75 р. сер. Когда все было готово, А. О. Львовъ повесъ всѣ доклады къ графу, который, прочитавъ бумагу о казакѣ, сказалъ:

— Зачѣмъ 75 р.?—напишите 25.

А. О. Львовъ мнѣ рассказывалъ, что такое тяжелое чувство на-

полнило его сердце противъ графа, что онъ даже не остерегся, съ живостью взять докладъ.

— Прикажете переписать?—сказалъ онъ графу.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ онъ,— садись и выскочи.

А. О. Львовъ выскочилъ и поѣхалъ къ обѣднѣ во дворецъ; возвратившись домой, мнѣ все это рассказываетъ, какъ получаетъ обратно весь докладъ. Первое его движеніе было посмотреть бумагу о казакѣ и вы можете себѣ вообразить его радость, какъ увидѣлъ собственною рукою Царя замарано 25 и написано 150 р. Я предполагаю, что Государь видѣлъ, что написано было на бумагѣ болѣе 25-ти и стерто. Его душа приложила къ себѣ все горе несчастнаго казака, а графъ Орловъ не взялъ такого участія....

Прежде нежели устроено было шоссе изъ Стрѣльни прямо въ Красное Село, была тутъ дорога очень дурная, особенно въ дождливое время. Государь ѣздилъ по ней, когда войска стояли въ Красномъ Селѣ; однажды поѣхалъ онъ въ коляскѣ четверкой съ Императрицею; грязь была ужасная; онъ нетерпѣливо подѣзжалъ къ подставѣ, которая должна была быть на половинѣ дороги, и съ досадою видѣть, что ея нѣтъ; усталыя лошади, всѣ въ мѣлъ, съ трудомъ бѣгутъ; наконецъ, примѣчаетъ Государь, что одна изъ коренныхъ начала шататься; побоясь, чтобы Императрица не увидѣла, какъ она станетъ околѣвать, онъ закричалъ казаку, стоявшему сзади коляски, чтобы онъ поскорѣе дверцы открылъ. Въ нетерпѣніи его ему показалось, что казакъ не довольно скоро это сдѣлалъ и онъ его толкнулъ, самъ взялъ Императрицу на руки и черезъ грязь шибко перенесъ ее за нѣсколько сажень отъ коляски и, поставивъ на сухое мѣсто, самъ взялъ тройку фельдъегеря, который за нимъ слѣдовалъ; и какъ все это случилось недалеко уже отъ Краснаго Села—Государь поскакалъ въ телѣгѣ, оставивъ императрицу, и у перваго извозчика въ дрожжахъ, котораго встрѣтилъ, взялъ у него возжи и поспѣшилъ воротиться назадъ; посадилъ царицу и привезъ ее въ Красное Село. Потомъ былъ у обѣдни; послѣ нея былъ церковный парадъ, на которомъ были почти всѣ военные генералы и офицеры; какъ парадъ кончился, Государь приказалъ позвать казака.

— «Я виноватъ передъ тобой,—сказалъ онъ ему,—въ запальчивости моей я тебя толкнулъ, прости меня».

У казака слезы полились ручьемъ по длиннымъ его усамъ. Ни словъ выговорить онъ не могъ.

— «Прости меня,—съ живостью повторилъ Царь, — я быть покоенъ не могу».

— Прощаю, ваше величество,—рыдая произнесъ казакъ, и Государь сознаниємъ въ своей горячности успокоился.

Въ путешествіяхъ своихъ Государь Николай Павловичъ удивительно какъ умѣренъ въ своей пищѣ и разъ навсегда приказалъ своему *maitre d'hôtel* Миллеру, чтобы за обѣдомъ у него никогда не было болѣе трехъ блюдъ, что и рѣшительно исполнялось. Однажды готовъ ужъ былъ весь обѣдъ Государя, когда приносятъ Миллеру самыя свѣжія форели; онъ подходитъ къ графу Орлову и просить позволеніе ихъ за обѣдомъ подать, говоря, что ихъ считать за блюдо нельзя. Графъ позволилъ; сѣли за столъ—Государь, графъ и А. Θ. Львовъ; послѣ втораго блюда входитъ Миллеръ съ форелями.

— «Что это такое,—громко сказалъ Государь,—четвертое блюдо?—кушайте его», и самъ, бросивъ салфетку на столъ, ушелъ въ другую комнату. Орловъ и А. Θ. Львовъ въ большомъ замѣшательствѣ остались и не успѣли оглянуться, какъ видятъ, что Государь сѣлъ въ свою коляску и уѣхалъ. Графъ долго не думалъ: видя, что царь уѣхалъ одинъ, когда онъ всегда сидѣлъ съ нимъ, а А. Θ. Львовъ—въ коляскѣ графа, онъ сѣлъ въ свою коляску и уѣхалъ, не думая: какъ же Львовъ ихъ догонитъ. Что тому было дѣлать? Львовъ приказалъ осѣдлать лошадь почтовую и поскакалъ на ней до станціи,—пріѣзжаетъ, царь уже уѣхалъ; пріѣзжаетъ на другую, перемѣнивъ лошадь,—тоже не застаетъ; между тѣмъ становилось темно, проливной шелъ дождь и, наконецъ, онъ весь мокрый доскакиваетъ до той станціи, гдѣ назначенъ былъ парю ночлегъ—и кто первый А. Θ. Львова встрѣтилъ?—Государь! Онъ нѣсколько разъ спрашивалъ: «Пріѣхалъ-ли Львовъ?» и первый его встрѣтилъ на крыльцѣ, говоря:

— «Слава Богу, какъ я радъ, что ты пріѣхалъ».

Вѣроятно, Государю сдѣлалось грустно, что онъ причиною былъ, что Львовъ болѣе ста верстъ по скверной погодѣ проскакалъ верхомъ, но ласковый его пріемъ заставилъ А. Θ. Львова забыть все то, что онъ вынесъ въ этотъ день.

[Записано въ 1854 г.]

Государь Николай Павловичъ, по просьбѣ А. Θ. Львова, общался пріѣхать окрестить со мною моего внука. Священники придворные уже собрались и пѣвчіе, какъ вдругъ совсѣмъ неожиданно пріѣзжаетъ Государь ровно получасомъ ранѣе тѣмъ общалъ, говоря, что «нарочно это сдѣлалъ, чтобы имѣть время побесѣдовать

съ нами». Вы легко себя представите какъ милостивое это расположеніе насъ всѣхъ тронуло; идемъ въ кабинетъ къ моей невѣсткѣ (г-жѣ Львовой), гдѣ въ дверяхъ она Государя встрѣтила и остановилась. Государь, примѣтя ея замѣшательство, обернулся ко мнѣ и спрашиваетъ по французски:

— «Mais qu'a-t-elle donc?»

— Elle est émue,—lui ai-je répondu.

— «De quoi?»—demanda l'Empereur.

— Du bonheur de Vous voir,—ai-je dit.

L'Empereur se tourna vers А. О. Львовъ, en souriant lui dit:

— «Votre maman est en train de me faire des compliments aujourd'hui»,—et tout de suite après la cérémonie commença; tous les invités, le comte Benkendorf, le prince Wolkonsky arrivèrent plus tard et furent très étonnés de voir l'Empereur dans notre salon, faisant la causerie avec nous. J'avais voulu lui présenter un fauteuil.

— «Vous me croyez trop gros»,—me dit-il,—pour pouvoir me trouver bien sur une chaise»,—et il en prit une.

J'avais voulu que cette chaise ne se trouve pas chez l'ambassadeur d'Autriche qui a loué la maison de А. О. Львовъ à la Karavannaia, mais on a oublié de le faire et elle y est; mais comme il n'y en avait qu'une de cette façon-là dans le cabinet de maman, vous pourrez toujours la reconnaître. L'Empereur resta plus d'une heure chez nous, causa d'une manière la plus agréable et nous laissa dans l'enchantement de sa visite. Lorsque nous restâmes seules, je me suis empressée de demander à m-me Lvoff ¹⁾ le sujet de sa confusion au moment de l'arrivée de l'Empereur et j'appris d'elle qu'une de ses pantoufles s'était détachée de son pied et qu'elle avait une crainte mortelle de bouger voyant le moment où sa pantoufle glisserait sur le parquet. Vous pouvez vous imaginer comme nous avons tous ri en apprenant cela.

Е. Н. Львова.

1854—1855 гг.

Спб.

¹⁾ Невѣстка составительницы Записокъ, жена Алексѣя Федоровича Львова.

РАЗСКАЗЫ, ЗАМѢТКИ И АНЕКДОТЫ

изъ записокъ

ЕЛИСАВЕТЫ НИКОЛАЕВНЫ ЛЬВОВОЙ

[Род. 1788, ум. 1864 г.].

II ¹⁾).

По поводу первой серіи рассказовъ, извлеченныхъ изъ этихъ Записокъ и помѣщенныхъ въ «Русской Старинѣ» изд. 1880 г., томъ XXVII, стр. 635—650, редація долгомъ считаетъ оговорить, что они напечатаны ею безъ предварительнаго согласія сыновей покойной Елисаветы Николаевны. Это объясняется тѣмъ, что мы не знали мѣста ихъ жительства, да и не были въполнѣ увѣрены, что тетрадки, изъ которыхъ сдѣланы нами выдержки, никѣмъ не подписанныя, дѣйствительно принадлежать этой достопамятной личности. Только во выходѣ мартовской книги въ свѣтъ мы имѣли удовольствіе познакомиться съ д. с. с. Ѳеодоромъ Ѳеодоровичемъ Львовымъ, бывшимъ конференцъ-секретаремъ Императорской академіи художествъ, талантливымъ архитекторомъ и художникомъ-пейзажистомъ, который подтвердилъ, что рассказы эти дѣйствительно принадлежать покойной его матери, что ея рукописныя тетрадки, совершенно помимо воли его и его брата и безъ ихъ вѣдома, вмѣстѣ съ бібліотекой покойной ихъ сестры Р*, проданы однимъ лицомъ кѣмъ-то торговцамъ, и что затѣмъ на дальнѣйшее извлеченіе изъ нихъ историческихъ рассказовъ и анекдотовъ, которые Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ весьма обязательно просмотрѣлъ въ корректурѣ,—овъ препятствія съ своей стороны не имѣеть.

Ред.

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1880 г., т. XXVII, стр. 635—650.

Императоръ Петръ I и кн. Яковъ Долгорукій.

Въ царствованіе Государя Петра, князь Долгорукій, будучи сенаторомъ, пріѣзжаетъ въ сенатъ, гдѣ было экстраординарное собраніе въ день праздничный, и ему показываютъ подписанный указъ Государемъ Императоромъ для наложенія особаго налога на соль, потому что Царю деньги были нужны. Князь Долгорукій, живо представя себѣ какъ будутъ роптать на указъ, не могъ воздержать перваго чувства, по любви его безпредѣльной къ Государю, взялъ указъ, разорвалъ его, сѣлъ въ свою повозку и поѣхалъ къ обѣднѣ. Пріѣзжаетъ Государь въ сенатъ и первую вещь видитъ разорванный свой указъ; чрезвычайно разсердившись; приказалъ послать въ церковь за Долгорукимъ; обѣдня еще не отошла и онъ царскимъ посланнымъ отвѣчалъ: «Воздадите Кесарю Кесареви и Богу Богови». Отвѣтъ сей еще болѣе разгнѣвалъ Царя и, увидя чрезъ нѣсколько минутъ, что Долгорукій подѣзжаетъ къ сенату, царь Петръ съ обнаженною шпагой выбѣжалъ къ нему на встрѣчу. Князь упалъ предъ нимъ на колѣни и раскрылъ свою грудь.

— «Рази, Государь, — сказалъ онъ ему, — вотъ грудь моя! но выслушай меня прежде: тебѣ нужны деньги для продовольствія твоей арміи и для этого ты хотѣлъ наложить налогъ, что родило бы ропотъ на тебя; моя душа этого не вытерпѣла; и безъ налога продовольствіе арміи будетъ; у Шереметева сто тысячъ четвертой муки, у меня столько же, сотоварищи наши отдадутъ тебѣ что могутъ и больше тебѣ ничего не нужно».

Государь поднялъ Долгорукаго, разцѣловалъ его и неоднократно просилъ у него прощеніе.

Федоръ Соймоновъ.

При Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ Биронъ былъ всемогущъ и всѣ его боялись. Федоръ Ивановичъ Соймоновъ былъ тогда уже александровскій кавалеръ; ему приходится сказать въ одно утро: «не ѣзди въ сенатъ, потому что тамъ читать будутъ дѣло Бирона и ты пойдешь противъ».

— Поѣду, — отвѣчалъ Федоръ Ивановичъ, — и буду говорить противъ: дѣло беззаконное.

— Тебя сошлютъ въ Сибирь.

— И тамъ люди живутъ, — отвѣчалъ Соймоновъ.

Поѣхалъ въ сенатъ, говорилъ противъ Бирона и отъ этого четыре раза былъ ударенъ кнутомъ на площади, лишенъ всего и сосланъ въ Сибирь. Императрица Елисавета Петровна, вошедъ на престолъ, поспѣшила Ѳедора Ивановича воротить и отдала ему всѣ почести и всю свою довѣренность.

Волковъ.

Во время царствованія Императрицы Екатерины, въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ (что нынѣ министерство) служилъ одинъ Волковъ (не помню какъ его звали), человѣкъ съ отличными способностями, съ пылкимъ умомъ и знаніемъ, но, будучи оставленъ здѣсь въ Петербургѣ одинъ на своей волѣ, какъ молодой человѣкъ, познакомился съ людьми дурными, сталъ пить, играть въ карты и, наконецъ, такъ запутался въ дѣлахъ своихъ и долгахъ, не зная чѣмъ жить и какъ ихъ уплатить, рѣшился на самое безчестное дѣло — выкрасть нужныя денешы и бѣжать въ чужіе края.

Графъ Панинъ, его начальникъ, узнавъ объ этомъ, пріѣзжаетъ и рассказываетъ это приключеніе. Императрица немедленно приказала послать въ догону за Волковымъ и привести его прямо къ ней, что тотчасъ и сдѣлали. Волкова привели къ Императрицѣ въ кабинетъ.

— «Зачѣмъ ты не хотѣлъ еще продолжать служить со мною?» — спросила его Царица милостиво.

Удивленный Волковъ упалъ передъ нею на колѣни и весь въ слезахъ рассказалъ, какъ онъ былъ завлеченъ дурнымъ обществомъ и что не нашелъ онъ другаго средства освободиться отъ долговъ, какъ бѣжать въ чужіе края. Императрица обернулась къ графу Панину и сказала:

— «Заплатите всѣ его долги, а ты, Волковъ, продолжай служить какъ ты служилъ; во мнѣ всегда найдешь человѣка, готоваго тебѣ помочь».

Волковъ, пораженный милосердіемъ Императрицы, обливалъ слезами руку, которую она ему протянула, и остался навсегда вѣрнымъ слугою Царицы и отечества.

Примѣчаніе. Въ этомъ разсказѣ Е. Н. Львова спутала время и имена: дѣло влеть о Дмитріѣ Васильевичѣ Волковѣ (1718—1785), и о случаѣ, бывшемъ съ нимъ въ царствованіе императрицы Елисаветы Петровны; начальникомъ его былъ не Панинъ, а гр. Алексѣй Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ. См. о Волковѣ, — этомъ знаменитомъ составителѣ манифеста о вольности дворянства (1762 г.), весьма интересныя свѣдѣнія и матеріалы, сообщенныя его правнучкой С. А. Рудаковой, въ «Русской Старинѣ» 1874 г., томъ IX, стр. 163—174; томъ XI, стр. 479—496; изд. 1877 г., т. XVIII, стр. 372, 575, 744. Ред.

Императрица Екатерина II.

Однажды Государыня Екатерина, будучи въ Царскомъ Селѣ, почувствовала себя нехорошо; пріѣхалъ Рожерсонъ, ея любимый докторъ, и нашелъ необходимымъ ей пустить кровь, что и сдѣлано было тотчасъ.

Въ это самое время докладываютъ Государынѣ, что пріѣхалъ изъ Петербурга графъ Александръ Андреевичъ Безбородко, узнать о ея здоровьѣ.

Императрица приказала его принять.

Лишь только графъ Безбородко вошелъ, Императрица Екатерина смѣясь ему сказала:

— «Теперь все пойдетъ лучше: послѣднюю кровь нѣмецкую выпустила».

Императрица Екатерина, играя иногда въ карты съ графомъ Безбородко, Панинымъ и другими, поручала кому либо изъ нихъ сыскать ей человѣка на «такое-ли» или на «другое-ли мѣсто» и прибавляла:

— «Когда сыщешь, скажи мнѣ».

Проходило нѣсколько дней и графъ Безбородко пріѣхалъ уведомить Императрицу, что человѣка онъ сыскалъ.

— «Пусть онъ ко мнѣ пріѣдетъ»,—отвѣчала Императрица,—«сегодня въ пять часовъ».

Въ назначенный часъ тотъ пріѣхалъ, рѣшительно не зная зачѣмъ требовала его Царица, которая оставляла играть въ вистъ, подходила съ нимъ къ окошку и, въ отдаленности отъ всѣхъ стоячи, разговаривала съ нимъ о разныхъ предметахъ часъ или два, потомъ милостиво прощалась съ нимъ, садилась опять за карточный столъ, и иногда скажетъ:

— «Нѣтъ, Александръ Андреевичъ, твой товаръ не хорошъ; онъ вовсе на это мѣсто не годится; но можно его употребить, напримѣръ, въ банкъ».

И такъ Государыня была проницательна, что, казалось, она создала этого человѣка на это мѣсто; такъ узнавала она людей, поговоривши съ ними нѣсколько времени.

Вы знаете, что въ сочельникъ, канунъ Рождества Христова, простолюдины не ѣдятъ «до звѣзды», въ память той звѣзды, которую увидѣли волхвы на востокѣ, какъ родился Спаситель. Въ то время

уже многіе завидывали уму и положенію Суворова при дворѣ Императрицы Екатерины, которая была къ нему очень милостива и желала непременно къ празднику пожать ему святаго Андрея Первозваннаго ордена, но завистники Суворова отклонить умѣли Царицу и она его симъ орденомъ не украсила, а Суворовъ уже увѣдомленъ былъ объ этомъ, и, какъ будто въ вознагражденіе, пригласила Суворова къ ней въ самый сочельникъ кушать. Сѣли за столъ; графъ ничего не кушалъ и салфетки не снималъ; Государыня, примѣтя это, спросила причину.

— «Звѣды не вижу, ваше величество»,—отвѣчалъ Суворовъ.

Императрица усмѣхнулась, встала изъ-за стола, взяла свою Андреевскую звѣзду и положила Суворову на тарелку, сказавъ:

— «Ну, теперь кушать будешь, графъ».

Имѣя привычку очень рано вставать, Императрица Екатерина часто сама разводила огонь въ своемъ камелькѣ, не желая обезпокоить никого изъ ея прислужниковъ; у лампадки своей зажигала свѣчи и садилась работать въ тишинѣ; теперь еще мы восхищаемся читая, что она въ эти часы своею рукой оставила намъ написанное. Однажды, проснувшись, увидя, что лампадка ея погасла, она тихонько отворяетъ дверь въ сосѣднюю комнату; часовой, стоявшій у дверей, не ожидая видѣть Царицу, а можетъ быть, и вѣдремнувъ на часахъ, отдалъ ей честь ружьемъ, но лишь ударилъ имъ объ полъ, ружье выстрѣлило и пуля ударила въ потолокъ. Кажется, какъ бы въ эту минуту въ тишинѣ ночной не испугаться, услыша выстрѣлъ? Но Государыня не потеряла нисколько присутствія духа, твердо сказала только часовому:

— «Зачѣмъ у тебя ружье было не въ порядкѣ?»

Вотъ что рассказывалъ мнѣ графъ Николай Петровичъ Румянцевъ, котораго отецъ такъ близокъ былъ къ Императрицѣ Екатеринѣ: однажды въ большой праздникъ, за столомъ, одинъ изъ пажей, служа Императрицѣ, наступилъ на ея кружева и разорвалъ. Императрица сдѣлала маленькое движеніе въ досадѣ; пажъ такъ испугался, что тарелку супа пролилъ на ея платье. Она засмѣялась и сказала:

— «Vous m'avez puni de ma vivacité».

Хемницеръ, сочинитель первыхъ нашихъ басенъ русскихъ; которыя онъ поднесъ маменькѣ моей ¹⁾, когда она еще была не заму-

¹⁾ Марья Алексѣевнѣ Львовой, рожденной Дьяковой.

жемъ, былъ самый близкій знакомый и пріятель всему кругу моихъ родителей; его всѣ любили, почитали какъ добрейшаго человека; кротости былъ необыкновенной, но такъ разсѣянъ, что часто друзья его клали ему въ карманъ салфату на мѣсто платка носоваго, оставали его какъ вора, укравшаго ложку серебряную, и много подобныхъ дѣлали надъ нимъ шутокъ; онъ все съ великимъ терпѣніемъ выносилъ и кроткою улыбкой наказывалъ тѣхъ, которые поднимали его на смѣхъ; вѣчно былъ въ кругу богатыхъ и значущихъ людей и вѣчно нуждался въ жизни; служилъ въ Смирнѣ консуломъ и уважаемъ былъ всѣми и, наконецъ, скончался въ крайней нуждѣ ¹⁾

Н. А. Львовъ сдѣлалъ ему памятникъ съ этою надписью:

Жилъ честно, цѣлый вѣкъ трудился
И умеръ голъ, какъ голъ родился.

Государь Павелъ, будучи въ Москвѣ во время коронаціи, сказалъ однажды при Н. А. Львовѣ:

— «Какъ желалъ бы я имѣть хорошій планъ Москвы».

Черезъ нѣсколько времени Львовъ ему его подноситъ, гравированный отлично, со всѣми подробностями, кругленькій, въ ладонь величиной. Государь былъ въ восхищеніи; обнялъ своего «кума», вышелъ изъ кабинета и сказалъ тутъ стоящимъ:

— «Отгадайте, что мнѣ Львовъ положилъ на ладонь?—Москву».

— «Что мудренаго, ваше величество,—сказалъ Н. А. Львовъ,—когда у васъ Россія подъ рукой!»

[Записано въ Январѣ 1855 г.]

Наснадъ въ Гатчинѣ.

Николай Александровичъ Львовъ, рожденный съ необыкновенными дарованіями, имѣлъ еще ко всему этому даръ употребить всякую ничтожную вещь въ пользу и въ украшеніе; поэтому вы можете судить, какъ онъ примѣчалъ все; однажды, гуляя съ Оболяниновымъ по Гатчинѣ, онъ замѣтилъ ключъ, изъ котораго вытекалъ ручеекъ самый прекрасный.

— Изъ этого,—сказалъ онъ Оболянинову,—можно сдѣлать прелесть, такъ природа тутъ хороша.

— А что,—отвѣчалъ Оболяниновъ,—берешься, Николай Александровичъ, сдѣлать чтонибудь прекрасное?

¹⁾ О Хемницерѣ см. обширные и весьма интересные матеріалы къ его биографіи, а также его басни съ подлинныхъ автографовъ напечатанныя въ «Русской Старинѣ» 1872 г., изд. второе, томъ V, стр. 215, 585, 601.

— Берусь,—сказалъ Н. А. Львовъ.

— И такъ,—отвѣчалъ Оболяниновъ,—сдѣлаемъ сюрпризъ Императору Павлу Петровичу. Я буду его въ прогулкахъ отвлекать отъ этого мѣста, пока ты работать станешь.

На другой день, Н. А. Львовъ, нарисовавъ планъ, принялся тотчасъ за работу; онъ представилъ, что быстрый ручей разрушилъ древній храмъ, котораго остатки, колонны и капители, разметаны были по мѣстамъ, а иные, въ половину разрушенные, еще существовали. Кончилъ, наконецъ, Н. А. Львовъ работу, привозитъ Оболянинова ее посмотреть; онъ въ восхищеніи его цѣлуетъ, благодаритъ.

— Ёду сейчасъ за Государемъ,—сказалъ онъ,—и привезу его сюда, а ты, Николай Александровичъ, спрячься за эти кусты, я тебя вызову.

И въ самомъ дѣлѣ, какъ это былъ часъ прогулки Государя, онъ черезъ нѣсколько времени верхомъ со свитою своею прѣзжаетъ, сходитъ съ лошади, въ восхищеніи хвалитъ все. Оболяниновъ къ нему подходитъ, говоритъ что-то на ухо; Государь его обнимаетъ, еще благодаритъ, садится на лошадь и уѣзжаетъ, а Львовъ такъ и остался за кустомъ, и никогда не имѣлъ духа обличить Оболянинова передъ Государемъ.

Пріерать въ Гатчинѣ.

Вы вѣрно видали строеніе въ Гатчинѣ, на лѣвой рукѣ отсюда не доѣзжая до дворца, который направо; скажу вамъ, что его построилъ Н. А. Львовъ, двоюродный братъ Федора Петровича Львова, и вотъ какимъ образомъ. Государь Павелъ Петровичъ жилъ всегда въ Гатчинѣ при Императрицѣ Екатеринѣ и все лѣто проживалъ тамъ, когда и воцарился. Онъ любилъ очень Н. А. Львова, который часто находился при немъ, звалъ его «кумомъ», хотя никого изъ насъ онъ не крестилъ; разговаривая съ нимъ о томъ, что Н. А. Львовъ замѣтилъ въ чужихъ краяхъ, узналъ, что онъ многія постройки сдѣлалъ у себя въ деревнѣ (въ Никольскомъ, что теперь принадлежитъ Леониду Леонидовичу Львову († 1875 г.) изъ земли, составленной съ малою частью известки и песку.

— «Я хочу,—сказалъ Государь,—чтобы ты мнѣ построилъ здѣсь, въ Гатчинѣ, уголъ избы, съ фундаментомъ и крышкою».

Н. А. Львовъ тогда же выписалъ двухъ нашихъ мужиковъ. Емельяна и Андрея, въ Гатчину; стали они работать въ саду, куда и Государь Павелъ, и Великій Князь Александръ Павловичъ съ

прекрасною его супругою Елисаветою Алексѣевною приходили всякій день смотрѣть ихъ успѣхи; когда часть стѣны уже была выведена, Елисавета Алексѣевна однажды пришла и острымъ концомъ своего парасоля стала стѣну сверлить; но видя, что едва со всею силою могла сдѣлать въ стѣнѣ маленькую ямочку, обернувшись къ Н. А. Львову, сказала ему:

— «Je ne m'attendais pas, m-r Lvoff, que votre mur en terre puisse être aussi dur».

Пришелъ Государь Павелъ и увидя, что уже съ самаго фундамента земляная стѣна и крыша соломенная (которая особеннымъ манеромъ крылась), все готово, приказалъ принести двое золотыхъ часовъ съ цѣпочками и самъ ихъ подарилъ Емельяну и Андрѣю. Но этимъ Государь не удовольствовался; онъ былъ человѣкъ очень умный, но вспыльчиваго нрава и имѣлъ какъ будто что-то странное.... Что особенно не нравилось въ немъ,—это слѣпое его подражаніе пруссакамъ и желаніе все русское переладить на ихъ ладъ; конечно, много хорошаго въ чужихъ краяхъ, но, уже по большому пространству Россіи, не все и годится намъ. Однако, землѣбитное строеніе заняло Государя Павла; онъ тотчасъ повелѣлъ изъ каждой нашей губерніи отправить къ намъ въ Никольское по два мужика обучаться оному, что весной и было исполнено; слишкомъ сто человѣкъ явились и съ того начали, что стали строить себѣ казарму, въ которой потомъ и жили. Государь, увидѣвъ оконченный уголъ въ саду гатчинскомъ, сказалъ Н. А. Львову, чтобы онъ выбралъ въ Гатчинѣ, гдѣ хочетъ, мѣсто и построилъ бы ему Приоратъ. Н. А. Львовъ отличный былъ, въ тогдашнее время, архитекторъ; онъ нарисовалъ планъ Приората, который былъ Государемъ утвержденъ; но не смотря на повелѣніе его дать мѣсто Львову для построенія Приората, Петръ Хрисанфовичъ Оболянинновъ, который тогда былъ первое лицо при Государѣ, за разными причинами въ отводѣ мѣста Н. А. Львову отказывалъ; наконецъ, эта комедія Львову надоѣла; онъ поручилъ Оболяниннову выбрать самому мѣсто. Какое же мѣсто выбралъ онъ? Вообразите—болото, въ которомъ собака вязла. Н. А. Львовъ, видя, что все это неудовольствіе на него происходило отъ зависти, сказалъ Оболяниннову:

— Я и тутъ построю Приоратъ, только онъ Государю стоитъ будетъ болѣе ста тысячъ рублей, потому что я долженъ осушить это болото.

— Ну, дѣлай какъ хочешь,—отвѣчалъ Оболянинновъ, и Н. А. Львовъ приступилъ къ работѣ. Хотѣли, по зависти, чтобы она не удалась, и тѣмъ переимѣнить мысли Государевы на счетъ Львова, а

вышло иначе; такъ Богу угодно всегда завистливыхъ людей наказывать. Землю, что вырывали изъ болота, все возили на одно мѣсто и отъ этого сдѣлался пригорокъ среди прекраснаго озера, на которомъ Пріоратъ, съ башнею своею, вышиною двухъ сажень слишкомъ, сдѣланною изъ землянаго кирпича, красовался всѣмъ на удивленіе. Это похоже было на то, что случилось съ французскимъ сочинителемъ Beaumarchais; онъ сочинилъ прекрасную комедію: «Le mariage de Figaro»; его стали гнать ужасно и притѣснять разнымъ образомъ; онъ и написалъ другую: «Le barbier de Seville», и она имѣла такой успѣхъ, что всѣ тогда же сказали: «On a poursuivi Beaumarchais et il s'est sauvé sur un piédestal». Такъ случилось и съ А. Н. Львовымъ: онъ самъ выбиралъ скромныя мѣста для постройки Пріората, а судьба поставила его на возвышенномъ мѣстѣ; гдѣ прежде не было ни одного деревца, но посаженныя Н. А. Львовымъ съ большимъ тщаніемъ деревца всѣ принялись прекрасно и украсили бывшее болото и даже теперь можно бы было и срубить нѣкоторые, чтобы видѣ болѣе открыть. Вотъ уже теперь 57 лѣтъ что Пріоратъ стоитъ неповрежденнымъ; года три тому назадъ, когда были маневры близъ Гатчины, А. Ф. Львову была въ Пріоратѣ отведена квартира и онъ не могъ надивиться какъ хорошо былъ въ немъ воздухъ, и даже живопись, исполненная по сырой штукатуркѣ, что называется по италіански *al fresco*, по сію пору еще въ хорошемъ видѣ. Н. А. Львовъ недолго радовался всему этому, потому что онъ скончался въ 1807 (1803 ?) году и имѣлъ еще огорченіе заслужить негодованіе Государя Павла, котораго увѣрили, что руками тѣхъ мужиковъ, что присланы были учиться землебитному строенію, онъ будто украшалъ свое село Никольское. Онъ, точно, вынужденъ былъ строить, чтобы ихъ учить, но какъ не подумали, что одной земли для этого было мало, что для строенія нуженъ лѣсъ, жадію, стекла и пр.; что всѣ эти издержки растранивали Н. А. Львова, а не богатели и, наконецъ, время доказало, что всѣ строенія были не нужны для украшенія Никольскаго, потому что впоследствии моя мать принуждена была всѣ ихъ срыть; слишкомъ дорого ей было ненужныя строенія поддерживать въ порядкѣ.

Императоръ Павелъ приказалъ однажды Н. А. Львову нарисовать ему проектъ Аннинскаго ордена; чрезъ нѣсколько часовъ приказаніе это было исполнено и Львовъ принесъ Государю нѣсколько проектовъ; онъ выбралъ тотъ, который и теперь носится, и чтобы доказать Н. А. Львову его къ нему расположеніе, приказалъ ему на другой день явиться во дворецъ и самъ надѣлъ орденъ св. Анны на

шею Львову, который принялъ его стоя на колѣняхъ передъ Царемъ. Вы можете себѣ вообразить какъ дорого поцѣнилъ Н. А. Львовъ такую милость.

Николай Александровичъ Львовъ, какъ я вамъ сказывала уже, жилъ по лѣтамъ во время царствованія Государя Павла и въ Гатчинѣ, и въ Павловскѣ, гдѣ ему всегда отведена была квартира во дворцѣ. Однажды въ Гатчинѣ онъ просыпается, встаетъ и, вмѣстѣ съ моею матерью, идетъ въ столовую кофе кушать, какъ видитъ, что ничего нѣтъ готоваго; у него былъ камердинеръ, вѣрный и добрый человекъ, но ужасно глупъ.

— Степанъ,—спросилъ Н. А. Львовъ,—что же напиш кофе?

— Нельзя-съ,—отвѣчаетъ онъ.

— Какъ нельзя?—спрашиваетъ Н. А.

— Нельзя-съ, часовые у дверей, не пускаютъ выйти!

Н. А. Львовъ подошелъ къ дверямъ, ведущимъ въ корридоръ, гдѣ жили многіе подъ разными номерами, и, точно, видитъ часовыхъ, которые въ дверяхъ сложили ружья свои крестомъ. Не понимая, за что бы онъ былъ посаженъ подъ арестъ, Н. А. Львовъ голову себѣ ломалъ и никакъ не могъ придумать, что могло случиться ночью; за ужиномъ еще Государь былъ такъ къ нему милостивъ, такъ шутилъ съ нимъ! Онъ ходилъ по комнатѣ, не могъ быть покоенъ, потому что зналъ и видѣлъ многіе примѣры, что у кого поставлены были часовые, того черезъ нѣсколько часовъ ссылали съ фельдъегеремъ въ Сибирь. По великой милости Божіей, это недоумѣвіе недолго продолжалось. Н. А. Львовъ слышитъ хохотъ въ корридорѣ, подходитъ къ дверямъ и видитъ Обольянинова, который со смѣхомъ его спрашиваетъ:

— «Что, Николай Александровичъ, испугался? а я ошибкою приказалъ поставить часовыхъ къ № 5-му, когда Государь приказалъ поставить ихъ къ № 3-му».

Д. Н. Дятловъ, дальній родственникъ Державина, былъ адъютантомъ при Государѣ Павлѣ Петровичѣ и часто свидѣтелемъ былъ горячности и вспыльчивости государевой. Какъ-то случилось, что сряду при немъ были дежурные офицеры, носящіе птичьи фамиліи: Соколовъ, Журавлевъ и пр.; наконецъ, явился Дятловъ.

— «Это что еще за птица,—въ гнѣвъ сказалъ Государь,—не хочешь-ли ты за Неву?»

— Нѣтъ, ваше величество,—отвѣчалъ поспѣшно Дмитрій Николаевичъ.

Государь расхохотался, обнялъ Дятлова и сказалъ:

— «Хорошо отвѣчалъ».

За Неву значило—въ крѣпость.

Однажды графъ Кутайсовъ (который изъ плѣнныхъ турокъ попалъ въ фавориты Государя Павла Петровича, сдѣлался большимъ баринномъ, имѣлъ всѣ ордена и, наконецъ, получилъ графское достоинство) шелъ по корридору Зимняго дворца съ Суворовымъ, который, увидя истопника, остановился и сталъ кланяться ему въ поясъ.

— «Что вы дѣлаете, князь, — сказалъ Суворову Кутайсовъ, — это истопникъ».

— Помилуй Богъ, — сказалъ Суворовъ, — ты графъ, а я князь; при милости царской не узнаешь, что этотъ будетъ за вельможа, то надобно его задобрить впередъ.

Державинъ.

Неблагоданѣренныя люди умѣли такъ нерасположить Государя Александра Павловича къ дядѣ моему Гавріилу Романовичу Державину, что онъ рѣшился подать въ отставку, когда его удалили отъ генераль-прокурорства. Государь, увидя его, проситъ Державина остаться въ государственномъ совѣтѣ и сенатѣ.

— «Нѣтъ, ваше величество, — отвѣчалъ Державинъ, — позвольте мнѣ совсѣмъ идти прочь, тѣмъ болѣе, что въ сенатѣ вы меня не увидите, а въ совѣтѣ не услышите».

Гавріилъ Романовичъ Державинъ извѣстенъ былъ тѣмъ, что готовъ былъ умереть за правду и не разъ доказывалъ это въ живыхъ спорахъ, которые онъ имѣлъ и съ Императрицею Екатериною, и съ Государемъ Павломъ. Однажды, въ царствованіе этой Государыни, его упросили не ѣхать въ сенатъ и сказаться больнымъ, потому что боялись правды его; долго Державинъ не могъ на это согласиться, наконецъ жалчь его расходилась; онъ точно не былъ въ состояніи ѣхать, легъ на диванъ въ своемъ кабинетѣ и, въ тоскѣ не зная что дѣлать, не будучи въ состояніи ничѣмъ заняться, велѣлъ позвать къ себѣ Прасковью Михайловну Бакунину¹⁾ (послѣ замужемъ за Ниловымъ), которая въ дѣвушкахъ у него жила, и просилъ ее, чтобы успокоить его тоску, почитать ему вслухъ что нибудь изъ его сочиненій. Она взяла первую оду, что попалась ей въ руки, — «Вельможа» и стала читать, но какъ выговорила стихи:

Змѣей предъ трономъ не сгибаться,
Стоять—и правду говорить....

¹⁾ Тетка Е. Н. Львовой.

Державинъ вдругъ вскочилъ съ дивана, схватилъ себя за послѣднiе свои волосы, закричавъ:

— «Что написалъ я и что дѣлаю сегодня! подлецъ!»

Не выдержалъ больше, одѣлся и, къ удивленiю всего сената, явился; не знаю навѣрно какъ говорилъ онъ, но поручиться можно, что душою не покривилъ.

[Записано 19-го ноября 1854 г.]

Я вспомнила, что мой дядя Гаврилъ Романовичъ Державинъ написалъ про стихи Э. П. Львова; однажды прийдя въ кабинетъ его и найдя на столѣ у него раскрытую книжку, въ которой онъ писалъ и поправлялъ свои стихи, Державинъ взялъ перо и написалъ слѣдующее:

Пиши, о Львовъ, пиши
Ты чувствiя твоей души,—
И не пиши ты ничего иного,
Поэтъ ты будешь вѣка золотого!

Можно себѣ представить, какъ такая похвала славнаго нашего поэта порадовала Э. П. Львова; онъ такъ зналъ, любилъ и почиталъ Державина и всѣ эти чувства онъ такъ прекрасно изложилъ въ одѣ на смерть Державина; осьмая строфа особенно мнѣ нравится:

«Нѣтъ мѣста скорби въ дверяхъ гроба,
Гдѣ врагъ Державина сокрытъ!
Здѣсь обезсиленная злоба,
Тамъ громовосный правды щитъ,
Тутъ лира подъ вѣнцомъ лавровымъ,
А тутъ въ отечеству любовь!»

Строфу эту я велѣла выгравировать на памятникѣ, который поставила дядѣ Державину.

А какъ утѣшительна послѣдняя строфа:

«О лира! стонешь ты невольно!
Грусть рветъ тебя изъ рукъ моихъ!
Я знаю, что гдѣ сердцу больно,
Тамъ свѣтъ ума темнѣетъ вмигъ.
Но знай, что западъ возвѣщаетъ
Въ блистательной зарѣ востокъ».

Графъ Николай Петровичъ Румянцевъ, у котораго Ө. П. Львовъ служилъ, былъ одинъ изъ трехъ сыновей Петра Александровича Румянцева, который заключилъ славный Кайнарджіійскій миръ, по которому всѣ татары крымскіе, буджакскіе и кубанскіе объявлены были независимыми отъ Порты и русскимъ кораблямъ было предоставлено свободное плаваніе по Черному морю и Архипелагу. Петръ Александровичъ былъ необыкновеннаго ума человѣкъ и не удивлялся, что ни одинъ сынъ не родился въ него.

— «Женили меня,—говаривалъ онъ, мнѣ выговоръ малороссійскій,—на Голицыной и что мудренаго, что всѣ сыновья мои вышли дураки»(?!). И точно, всѣ трое ничего не значили (?) и умерли въ неизвестности; Николай Петровичъ не службою достигъ до званія государственнаго человѣка, а потому, что былъ сынъ гр. Румянцева, воспитывался въ Парижѣ и былъ, можно сказать, начитанная пустая голова(?!). Былъ онъ министромъ коммерціи и тогда-то Ө. П. Львовъ у него служилъ и всѣ говорили въ Петербургѣ, «что Львовъ вытаскиваетъ изъ грязи Румянцева», и даже была сдѣлана каррикатура, въ которой былъ представленъ Румянцевъ, сидящій въ тачкѣ, и Львовъ его изъ лужи вывозить съ трудомъ. И отъ этой молвы, которая, можетъ быть, и доходила до Румянцева, иногда онъ, чтобъ доказать, что «не Львовъ», а «онъ» все дѣлаетъ, часто Ө. П. Львова приводилъ въ большое замѣшательство. Однажды онъ ему докладывалъ, когда камердинеръ графа вошелъ и сказалъ: «графъ Сергій Петровичъ».

— «Какъ это несносно,—отвѣчалъ Николай Петровичъ,—люди незанятые всегда мѣшаютъ дѣло дѣлать»,—и Сергій Петровичъ входилъ.

— «Какъ я радъ тебя видѣть, другъ мой,—говорилъ графъ,—садись пожалуйста, только позволю продолжать Өодору Петровичу докончить докладную записку»—и тутъ же просилъ Ө. П. Львова начать читать. Лишь только тотъ прочиталъ вѣсколько строкъ, графъ его останавливалъ.

— «Что такое? Помилуй, Өодоръ Петровичъ, ты умный человѣкъ, а на тебя иногда находить столбнякъ; что это ты тутъ написалъ? Совсѣмъ не то, что надобно и что я хотѣлъ».

И тутъ же начиналъ, очень краснорѣчиво, но безъ всякаго толка, говорить совершенную неаппицу. Ө. П. Львовъ съ большимъ удивленіемъ смотрѣлъ ему въ глаза, никакъ не понимая, чего онъ хочетъ, и лишь только въ оправданіе скажетъ слово, графъ останавливаетъ его, повторяя: «на него находить иногда столбнякъ». Сергій Петровичъ, думая, что онъ, можетъ быть, тутъ лишній, отклонялся брату и лишь только онъ выходилъ въ другую комнату, смѣючись Николай Петровичъ говорилъ Ө. П. Львову:

— «Оставь все по старому въ бумагѣ, все-прекрасно, я хотѣлъ только доказать брату, а онъ и другимъ скажетъ, что не все же ты работаешь за меня».

Сперанскій.

Вспомнила я, что случилось съ Михаиломъ Михайловичемъ Сперанскимъ. Онъ, какъ всѣмъ извѣстно, былъ необыкновеннаго ума человекъ, вышелъ въ значительные люди будучи сынъ священника, но учился отлично и, наконецъ, былъ государственный секретарь въ совѣтѣ; его тамъ всѣ почитали (хотя многіе и завидывали ему), что, бывало, никто изъ министровъ не смѣлъ садиться прежде, нежели Сперанскій пріѣдетъ въ совѣтъ, и, замѣтите, онъ, такъ сказать, не зналъ дороги ни въ Царское Село, ни въ Петергофъ, а всегда работалъ дома и никого почти къ себѣ не принималъ; живя почти на чужестранную ногу, нажилъ себѣ много влодѣвъ, которые, въ то время какъ онъ работалъ, неумоимо искали случая его стубить. Разными способами графъ Армфельдъ, вмѣстѣ съ Александромъ Дмитріевичемъ Балашовымъ, искали возможность познакомиться короче со Сперанскимъ, звали его къ себѣ, и онъ все отказывался тѣмъ, что занятъ; наконецъ, назначили вечеръ у Армфельда и послѣ неотступныхъ просьбъ Сперанскій, наконецъ, пріѣхалъ выпить у него чашку чая. Никого не было у Армфельда, какъ онъ и Балашовъ; разговаривали о дѣлахъ, объ управленіи и, наконецъ, Балашовъ и Армфельдъ, видя какой вѣсъ имѣлъ во всемъ Сперанскій, предложили ему составить изъ нихъ трехъ триумвиратъ и тѣмъ уменьшить власть Государя Александра Павловича, на котораго подымалась въ это время въ 1811—1812 гг., вся Европа по желанію Наполеона. Сперанскій долго опровергалъ ихъ безразсудное предложеніе; ничто и какія его убѣжденія не могли заставить ихъ перемѣнить ихъ образъ мыслей; наконецъ, Сперанскій сказалъ имъ:

— «Такъ вы не знаете Государя, какъ я его знаю, и для этого совѣтую вамъ болѣе и не думать о томъ, что никогда состояться не можетъ», — взялъ шляпу и уѣхалъ домой. На другой день онъ долженъ былъ докладывать Государю; онъ поѣхалъ во дворецъ и когда доложилъ всѣ бумаги, будучи принятъ, какъ обыкновенно, очень милостиво Государемъ, въ ту минуту, какъ укладывалъ бумаги въ портфель, Государь ему сказалъ:

— «Михаилъ Михайловичъ, мнѣ должно съ тобой разстаться».

Пораженный этими словами, Сперанскій, однако, не потерялся и съ твердостью и чистою совѣстью спросилъ:

— Что я сдѣлалъ, ваше величество, и чѣмъ заслужилъ я вашу немилость?

— «Сказать тебѣ не могу и не хочу; прощай»,—сказалъ Государь. Сперанскій упалъ передъ нимъ на колѣни и сказалъ:

— «Удалите меня, ваше величество, накажите, но скажите за что; я съ колѣнъ не сойду».

Видя такую рѣшительность, Государь вдругъ сказалъ ему:

— «Я тебя такъ любилъ, ты пользовался всею моею довѣренностью; могъ-ли я ожидать что ты, Сперанскій, пойдешь противъ меня и предложишь Армфельду и Балашову учредить между вами тріумvirатъ?»

Съ бѣшенствомъ почти Сперанскій вскочилъ съ колѣней.

— Боже мой,—вскричалъ онъ,—злѣдѣи, не они-ли мнѣ это предлагали устроить!?

— «Зачѣмъ ты тотчасъ не пріѣхалъ передать мнѣ все это?»—строго сказалъ Государь.

Сперанскій упалъ на колѣни и съ горькою покорностью сказалъ:

— «Въ этомъ я виноватъ, Государь»,—и болѣе ни слова не прибавилъ въ свое оправданіе.

Когда онъ воротился домой, Балашовъ печаталъ весь его кабинетъ и тройка стояла у крыльца; едва Сперанскій имѣлъ время проститься съ дочерью, какъ увезли его въ Нижній Новгородъ, гдѣ народъ разбивалъ камнями стекла въ его домѣ, думая, что онъ продавалъ Россію Наполеону и для чего будто Государь и сослалъ его. Сперанскій перенесъ это испытаніе съ великою твердостью, и когда я съ Ѳедоромъ Петровичемъ (Львовымъ) нѣсколько лѣтъ спустя пріѣхала къ нему въ его новгородскую деревню, мы его нашли гораздо здоровѣе и веселѣе, чѣмъ былъ въ Петербургѣ, и тутъ-то онъ намъ разсказалъ, что послѣ того вечера, что онъ пилъ чай у Армфельда, послѣдній, съ согласія Балашова, поѣхалъ къ Государю и все разсказалъ, что Сперанскій слышалъ отъ Государя.

— «Я не могъ себя оправдать въ глазахъ Государя, — говорилъ намъ Сперанскій,—и если я потолстѣлъ, такъ это отъ того, что совесть моя была чиста и передъ людьми, и передъ Богомъ. Я зналъ, что правда верхъ возьметъ, и что это остервенѣніе народа противъ меня исчезнетъ».

И точно, Балашовъ и Армфельдъ вскорѣ умерли въ мучительныхъ болѣзняхъ, а Сперанскій, котораго Государь совершенно и обвинить не могъ и зналъ какъ онъ всегда говорилъ правду ему, послалъ его губернаторомъ, и въ указѣ было написано: «что онъ туда посылается для того, чтобы онъ очистился», и черезъ нѣсколько мѣ-

сяцевъ, въ которомъ Сперанскій успѣлъ много хорошаго сдѣлать въ Пензѣ, а затѣмъ въ Сибири, онъ былъ возвращенъ съ большою почестью въ Петербургъ. За свои необыкновенные труды щедро награжденъ онъ былъ Государемъ Николаемъ Павловичемъ, и, наконецъ, получилъ графское достоинство, но болѣе графовъ Сперанскихъ уже не существуетъ; дочь его вышла замужъ за Фролова-Багрѣева; у нея былъ одинъ сынъ, которому Сперанскій хотѣлъ просить Государя передать и имя и графство его, но сынъ этотъ умеръ и имя исчезло.

Во время жестокой войны 1812 года, Θ. П. Львовъ часто видался съ княземъ Платономъ Александровичемъ Зубовымъ, который былъ извѣстенъ и своимъ умомъ, и своими познаніями(?); часто бесѣдуя съ нимъ о войнѣ и о приближеніи непріятеля къ Москвѣ, князь раскладывалъ планъ Россіи на полъ, и вмѣстѣ съ Θ. П. Львовымъ, съ циркулемъ въ рукахъ, измѣряли пространство и рассчитывали въ какое время наша артиллерія могла дойти въ такое или такое мѣсто. Θ. П. Львовъ, сообразивъ число верстъ, сказалъ князю:

— Рѣшительно, она можетъ быть тамъ въ пять дней.

— «Нѣтъ, — отвѣчалъ князь, — теперь дожди, а тутъ все косогоры, ей прежде десяти дней туда не поспѣтъ».

Такъ онъ зналъ хорошо всю Россію; любя ее какъ истинно преданный сынъ, первый предложилъ Государю Александру Павловичу сдать Москву Наполеону, что и сдѣлано было впоследствии и увѣнчалось успѣхомъ въ 1812 году.

Генералъ Бетанкуръ, будучи главнымъ начальникомъ института путей сообщенія, жилъ въ прекрасномъ казенномъ домѣ, что принадлежалъ прежде князю Юсупову. Кабинетъ Бетанкура былъ во дворѣ и онъ однажды крайне удивился, увидя, что передъ молодымъ каменотесцемъ, который тесалъ гранитные камни у него на дворѣ, упали въ ноги крестьянинъ и крестьянка, покрытые пылью и какъ пришедшіе изъ дальняго пути, а молодой каменотесецъ, въ удивленіи, своимъ передникомъ обтиралъ слезы, что катились изъ глазъ его. Удивленный этою сценой, Бетанкуръ послалъ узнать, что это такое, и ему донесли, что молодой каменотесецъ, купивъ себѣ квитанцію, которую думалъ отдать когда потребуютъ его въ солдаты, узнавъ, что жребій палъ на его женатаго брата, и тотчасъ написалъ въ деревню, что онъ за него отдаетъ свою квитанцію и самъ пойдетъ въ солдаты, если очередь будетъ за нимъ; братъ съ женою рѣшились за 1,200 верстъ придти къ нему въ Петербургъ—въ ноги поклониться, и это была самая та минута, въ которую ихъ увидѣлъ Бетанкуръ. У него уже была карета готова ѣхать съ докладомъ къ Государю

Александрѣ Павловичу и, доложивъ ему всѣ бумаги, что онъ привезъ, сказалъ:

— «Votre Majesté, j'ai une grâce à Vous demander».

— Dites la,—répondit l'Empereur.

— «Donnez moi deux mille roubles pour acheter une quittance de soldat», — и разсказалъ Государю все то, что зналъ и видѣлъ про Кузьмина, — такъ назывался каменотесецъ. Государь подошелъ къ своему бюро, вынулъ деньги, сказалъ Бетанкуру:

— «Des exemples pareils ne sont pas rares, Dieu merci, en Russie et ils n'étonnent que vous autres étrangers; je suis heureux de vous donner le moyen de récompenser ce brave homme».

Бетанкуръ съ крайнимъ чувствомъ поблагодарилъ Государя; мало того, что двѣ тысячи отдалъ Кузьмину на покупку кантанинъ, но еще приказалъ сдѣлать его портретъ и внизу на мѣсто виньетки представилъ ту минуту, какъ братъ съ женой кланяются ему въ ноги, а онъ слезы свои отираетъ фартукомъ. Гравюра эта такъ удалась, что Бетанкуръ приказалъ ее продавать въ пользу Кузьмина и онъ очень порядочную сумму въ теченіе нѣсколькихъ времени за нее получилъ.

Бетанкуръ.

Нижегородская ярмарка нѣсколько уже десятковъ лѣтъ находилась всегда въ селѣ Лысковѣ, принадлежащемъ князю Гривинскому; дошло до свѣдѣнія Государя Александра Павловича, что въ этомъ мѣстѣ дѣлались дурныя дѣла: князь принималъ у себя всѣхъ людей безпаспортныхъ, позволялъ имъ грабить и бунтовать, такъ что многіе купцы возвращались съ трудомъ съ ярмарки, продавши товаръ. Нижний стоитъ на двухъ рѣкахъ, на Волгѣ и на Окѣ; онъ разливается на большое пространство, но передъ самымъ городомъ черезъ Оку оставалось большое мѣсто, которое водой не понимало. Государь и далъ приказаніе генералу путей сообщенія Бетанкуру ѣхать туда осмотрѣть мѣсто и если найдетъ, что оно годно, то перевести ярмарку туда изъ села Лыскова. Бетанкуръ пріѣхалъ и, найдя, что мѣсто удобно, и узнавъ, что земля принадлежитъ многимъ помѣщикамъ, совалъ ихъ по именному повелѣнію и предложилъ имъ купить ихъ земли за дорогую цѣну или обмѣниться на другую. Помѣщики ни за что не согласились продать ее или обмѣнить, и тогда Бетанкуръ сказалъ имъ, что законъ даже приказываетъ взять земли, если это можетъ быть полезно цѣлому государству, но не дѣлаетъ этого, а отъ мая мѣсяца до сентября даетъ имъ время хорошенько обдумать о его предложеніи и что въ сентябрѣ онъ пріѣдетъ за отвѣтомъ. Наступилъ сентябрь: Бетанкуръ возвра-

дается въ Нижний и, узнавъ, что помѣщики все еще не соглашаются ни на что, пригласилъ ихъ на другой день къ себѣ и просилъ доставить всѣ планы и крѣпости, какіе они имѣли на свои земли. Всѣ явились на другой день; Бетанкуръ, отобравъ отъ нихъ всѣ бумаги, опять сталъ уговаривать на обмѣнъ, представляя имъ большія выгоды и что они должны бы были даже и такъ землею пожертвовать для общественной пользы, и видя, что они никакъ ни на что не соглашаются, взялъ всѣ бумаги и бросилъ въ камелекъ, который сильно горѣлъ у него въ гостиной; тутъ помѣщики увидѣли, какъ они глупо поступили, что не соглашались на первыя предложенія генерала Бетанкура; стали просить его, чтобы онъ своимъ ходатайствомъ испросилъ у Государя имъ прощеніе, и были чрезвычайно довольны, что Царь приказалъ отдать имъ все то, что было назначено для нихъ. Бетанкуръ на такое дѣйствіе имѣлъ разрѣшеніе Царя и онъ зналъ, кому онъ поручалъ это дѣло. Генералъ Бетанкуръ былъ отличнѣйшій человѣкъ, уменъ и ученъ до чрезвычайности, добръ и благороденъ; ему Государь и поручилъ сдѣлать планы для всей ярмарки, что теперь уже и исполнено давно и иногда до 300,000 человѣкъ съѣзжается въ Нижний; всѣмъ устроено помѣщеніе, у каждого купца лавка, и такъ какъ могло бы быть при такомъ стеченіи народа и воздухъ тяжелъ и нездоровъ на ярмаркѣ, то Бетанкуръ, будучи славный инженерный офицеръ, сдѣлалъ, что подъ улицами на ярмаркѣ протекаетъ въ каналахъ вода, которая уноситъ всю нечистоту, а для того, чтобы въ этихъ подземныхъ галлерейхъ было свѣтло, вверху сдѣланы большія окошки, которыя выходятъ на улицу. Одно, что мнѣ не нравится въ этой ярмаркѣ, что лавки расположены безъ вкуса; на одной почти линіи вы видите галантерейную лавку и тутъ же недалеко канаты и деготь продаютъ. Когда Государь пріѣхалъ осмотрѣть эту ярмарку, онъ былъ очень доволенъ, и видъ изъ Кремля безподобный; стѣна ужасной толщины окружаетъ Кремль; разстояніе отъ одной башни до другой, кажется, 80 сажень.

Государь сказалъ:

— «Жалко бы я построить залу, которая бы соединяла башни, и тогда бы я всѣхъ нижегородцевъ пригласилъ къ себѣ на балъ».

Александръ Семеновичъ Шишковъ.

Александръ Семеновичъ Шишковъ—знаменитый государственный секретарь въ 1812 году, славный манифестами и приказами, отъ Высочайшаго имени имъ составленными, впоследствии членъ государственнаго совѣта и министръ народнаго просвѣщенія, — былъ человѣкъ весьма достойный. Извѣстно, между прочимъ, что Шишковъ

нѣсколько лѣтъ постоянно сопровождалъ Государя Александра Павловича, когда онъ ѣздилъ по Россіи.

Однажды Государь какъ бы въ похвалу себѣ замѣтилъ, что онъ, Государь, скоро ѣздитъ.

— «По моему, — отвѣчалъ Шишковъ, — это и не хорошо. Ваше Величество».

Монферанъ — гр. Головинъ.

При Государѣ Александрѣ Павловичѣ, Монферанъ представилъ новый планъ Исакиевскому собору, который былъ начатъ строиться, еще при Государынѣ Екатеринѣ, изъ мрамора, въ то же самое время, какъ и нынѣ существующій Константиновскій дворецъ. Когда и то и другое строеніе были болѣе половины кончены, Императрицѣ они не понравились и она приказала ихъ оставить. Вступилъ на престолъ Государь Павелъ и тотчасъ повелѣлъ приступить къ окончанію сихъ зданій, и церковь была докончена кирпичомъ; въ то время нашли — не знаютъ кѣмъ написанные — стихи:

Сей храмъ, двумъ царствамъ столь приличный,
(основа — мраморъ, верхъ — кирпичный).

Воцарился Государь Александръ Павловичъ и Монферанъ увѣрилъ его, что онъ сообразилъ новый планъ собора съ построенною уже церковью, и что во все время строенія по новому плану можно будетъ продолжать служеніе въ освященной уже церкви, что очень понравилось Государю; но я сама была свидѣтельницей, что во время обѣдни въ самый алтарь упалъ камень, и счастливо, что онъ никого не убилъ, и тогда Государь приказалъ прекратить службу. Приступили къ работѣ, и вспоминаю я еще одно событіе, которое хотя и отялекаетъ меня отъ того, что я хотѣла сказать про куполъ Исакиевской церкви, но не могу воздержаться, чтобы не рассказать какъ часто люди, изъ одного желанія сдѣлать себѣ выгоду, забываютъ, что каждому изъ насъ должно думать, и Христосъ приказалъ — о пользѣ и другихъ, особливо если эта польза соединяется съ пользою отечества.

Казанскій соборъ построенъ по плану Воронихина, бывшаго крѣпостнымъ человекомъ графа Строганова, изъ камня, найденнаго въ Россіи; Государь Александръ Павловичъ приказалъ и для Исакиевского собора поискать въ такомъ же родѣ камень. Графъ Яковъ Ѳедоровичъ Стейнбокъ (который былъ женатъ на родной моей теткѣ) нашелъ у себя чудесный карьеръ (carrière) свѣтло-палеваго цвѣта, а камень имѣлъ еще и то достоинство, что легко могъ обдѣлываться, когда его вынимали изъ земли, и твердѣлъ необыкновенно на воздухѣ. Генераль Бетанкуръ, которому поручено было строеніе Исакиевского

собора, испробовавъ всѣми манерами твердость этого камня и удостовѣрившись, что онъ хорошъ во всѣхъ отношеніяхъ, доложилъ объ этомъ Государю. Приказано было графу Стейнбоку, при первой возможности, весною камень этотъ доставить въ Петербургъ. Бетанкуръ скончался; строительная коммисія перешла къ графу Головину, котораго убѣдили недоброжелатели къ истинной пользѣ Россіи и утѣрили, что камень этотъ не годится, что церковь будетъ лучше изъ бѣлаго мрамора, который привезутъ изъ чужихъ краевъ, и пр., и пр.

Кончилось, что графъ Головинъ отказалъ принять камень Стейнбока, который былъ уже частью привезенъ на корабляхъ. *Θ. П. Львова* графъ упросилъ поѣхать къ Головину и сказать сколько этотъ отказъ въ принятіи камня разоряетъ его; онъ и выгрузить его не знаетъ куда; графъ отвѣчалъ:

— «Que voulez vous faire, M-r Lvoff, cette pierre ne vaut rien».

— Et pourquoi donc, M-r le Comte,—répondit Lvoff,—le général Bétancourt lui a fait subir toutes les épreuves possibles et en a été parfaitement content?

— «Oui,—dit le comte,—toutes les épreuves, hormis celle de l'eau bouillante!»

— Mais il faut espérer,—dit Lvoff,—que Petersbourg ne sera pas brûlé par une pluie de feu comme Sodom et Gomore!

Malgré toutes ces objections, Steinbock a dû reprendre sa pierre et perdit une assez grande somme dans cette affaire.

И что всего было досаднѣе—это то, что, вмѣсто бѣлаго мрамора, привезли тотъ самый, изъ котораго и выстроенъ храмъ, и онъ, скорѣе сѣрый, чѣмъ бѣлый, стоилъ дорогихъ денегъ, которыя остались въ чужихъ краяхъ, тогда какъ камень, купленный у Стейнбока, стоилъ бы въ десять разъ дешевле и деньги бы всѣ остались въ Россіи.

Когда разрушать стали Исакиевскую церковь, то, какъ по обыкновенію—никакой Государь всѣмъ угодить не можетъ, то и въ царствованіе Александра Павловича многіе были недовольны. и при сломкѣ церкви нашли слѣдующіе стихи:

Сей храмъ—трехъ царствъ изображеніе:
Грѣшить, кирпичъ и разрушеніе.

РАЗСКАЗЫ, ЗАМѢТКИ И АНЕКДОТЫ,

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ

ЕЛИЗАВЕТЫ НИКОЛАЕВНЫ ЛЬВОВОЙ

[рожд. 1788, ум. 1864 г.] ¹⁾.

Государь Александръ Павловичъ, будучи почти при послѣднемъ вздохѣ—при императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ, князѣ Петрѣ Михайловичѣ Волконскомъ, при Дибичѣ—сказалъ, 19-го ноября 1825 г., видя яркое солнце, которое освѣщало всю его комнату:

— «Laissez moi voir encore le soleil, c'est le plus beau jour de ma vie».

Исполнивъ весь долгъ истиннаго христіанина, Государь скончался, видя слезы всѣхъ его окружающихъ; Императрица съ обыкновенною ея кротостью рыдала, держа руку Государя. Нѣсколько дней послѣ, она писала вдовствующей императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ: «Notre ange est au ciel et moi je végète sur la terre». Но недолго она была разлучена съ нимъ, потому что, доѣхавъ до Бѣлева, скончалась въ маѣ 1826 года.

[Записано 19-го ноября 1854 г.]

Императоръ Николай I.

Всѣхъ занимаютъ воинскія дѣла въ Крыму; у насъ у всѣхъ сердце замираетъ въ ожиданіи новостей; каково же должно быть безпокойство Царя? За то онъ и измѣнился, такъ похудѣлъ, какъ послѣ болѣзни, и что мудренаго: ни одной ночи покойно не почиваетъ, а инныя напролѣтъ просиживаетъ. Сегодня я услышала, что рассказывалъ его камердинеръ (узнаю, какъ его зовутъ), что однажды на этихъ дняхъ Государь, умывшись поутру, сталъ молиться Богу; камердинеръ его дождался въ другой комнатѣ, когда онъ его позоветъ; проходитъ 15 минутъ—все еще тихо въ кабинетѣ; еще пять, еще нѣсколько минутъ, наконецъ, камердинеръ, видя, что уже почти полчаса прошло, въ безпокойствѣ страшномъ тихонько дверь отворяетъ и видитъ, что

¹⁾ См. «Русская Старина» изд. 1880 г., томъ XXVII (мартъ), стр. 635—650; томъ XXVIII (іюнь), стр. 733—856.

Государь, какъ стоялъ на колѣняхъ передъ образомъ и земно поклоняся, заснулъ. Въ первую минуту камердинеръ такъ испугался, что потихоньку позвалъ людей, и съ осторожностью подошелъ къ Царю, сталъ его будить. Государь проснулся, перекрестился и сказалъ: — «Какъ я усталъ! Даже на молитвѣ заснулъ!»

По этому можно судить, какъ ему не легко все это время.

[Записано 12-го октября 1854 г.]

Въ январѣ мѣсяцѣ 1855 года предводитель дворянства нижегородскаго представилъ Государю Николаю Павловичу отъ лица всего дворянства адресъ и какъ, можетъ быть, черезъ нѣсколько времени его достать будетъ трудно, то я вкратцѣ его здѣсь наложу, какъ объ немъ мнѣ рассказывали. Все общество дворянъ нижегородскихъ предлагало Царю—не только все свое имущество, но себя и дѣтей своихъ на службу, и просили его дать имъ только знамя Пожарскаго, котораго память незабвенна въ Нижнемъ Новгородѣ, и пр., и пр. На другой день, какъ этотъ адресъ былъ читанъ въ собраніи, купцы и мѣщане пришли къ князю Урусову, ихъ губернатору, и съ большимъ чувствомъ говорили, какъ имъ больно было, что дворяне въ ихъ адресѣ къ Государю забыли про Минина, который такъ горячо доказалъ свою любовь къ отечеству, и что и они всѣ готовы всѣмъ, что только могутъ, пожертвовать въ нынѣшнихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ для пользы отечества. Я живо себѣ представляю, какъ все это должно было быть пріятно Царю.

Болѣе двухъ мѣсяцевъ прошло, что я не писала въ этой книжкѣ, и вы этому вѣрно не удивитесь, зная, что все это время я ничѣмъ заняться не могла, такъ огорчена я была жестокою потерей, которую не мы одни, а вся Россія понесла, лишившись Государя нашего Николая Павловича. Это такой былъ всѣмъ намъ ударъ! Хотя уже три дня мы знали, что онъ былъ нездоровъ, но когда узнали, что его уже нѣтъ на свѣтѣ, никто повѣрить этому не могъ. Теперь еще не износили мы въ сердцахъ нашихъ всю нашу скорбь, нѣтъ дня, чтобы не лились слезы говоря про него! А ужъ велика была его кончина! истинно училъ онъ насъ какъ жить, но и научилъ какъ должно умереть!

. Вы найдете въ библиотекѣ маленькую книжку: «Послѣднія минуты жизни Государя Николая», которую вы слышать не могли равнодушно: мы всѣ заливались сле-

зами, читайте ее чаще; примѣръ такой истинно христіанской кончинѣ рѣдко въ жизни встрѣчается и надобно имъ пользоваться. Вы слышали какъ онъ любилъ Россію, какъ неуспѣшно трудился для нея, какъ дорого ему было семейство, какъ просилъ онъ, чтобъ старались сохранить въ немъ то согласіе, которое его радовало, какъ приказывалъ повиновеніе къ родителямъ, какъ поручалъ дѣтямъ беречь ихъ маменьку! Подумайте, все это говорилъ умирающій Государь, у котораго столько было заботъ въ жизни и столько отвѣтственности передъ Богомъ, но и тутъ онъ обо всѣхъ подумалъ, не забылъ даже своего кучера Якова, и вмѣстѣ со всѣмъ этимъ утѣшался мыслию, что и у престола Всевышняго молиться будетъ за Россію. Такъ еще душа полна къ нему преданностью и любовью, что, кажется, не перестала бы все думать и писать о немъ; и какъ не благодарить еще много его и за то, что приготовилъ онъ нынѣ царствующаго Государя Императора Александра Николаевича, который съ благословеніемъ Божиимъ, вѣрно, тоже стараться будетъ составить счастье Россіи!

[Написано въ апрѣлѣ 1835 г.].

Императрица Александра Ѳеодоровна.

Въ Петергофѣ, за Самсоновскимъ павиліономъ, съ возвышенія бѣжитъ предестный каскадъ между большихъ камней; косили мужики траву. бабы ее убирали и одна изъ нихъ, старушка-чухонка, легла отдохнуть на травѣ и заснула; то было время отдыха работниковъ. Императрица Александра Ѳеодоровна пріѣхала тогда въ павиліонъ, вышла около него погулять и увидѣла спящую такъ крѣпко старуху, что она даже не слышала, какъ подошла къ ней царица, которая, увидя это, положила ей въ руку 5 руб. сер., пошла прочь и сказала служивымъ дежурнымъ, что она сдѣлала, и не приказала старуху будить; сама отошла отъ павиліона и стала по другую сторону озера; какъ пріятно ей было видѣть пробужденіе старухи. Чухонка показала свои деньги служивымъ, которые рукой показали ей Императрицу, стоящую на другой сторонѣ; старушка упала на колѣни, протягивала Императрицѣ свои руки, цѣловала ихъ и посылала ей свои поцѣлуи черезъ озеро.—Государыня радовалась ея радости и отъ души смѣялась, видя какъ бѣдная женщина ее изъясняла.

Иногда императрица Александра Ѳеодоровна сама разливалъ чай въ своей маленькой гостиной, гдѣ была круглая деревянная лѣсенка въ верхнія комнаты Государя. Однажды, при двухъ или

трехъ свидѣтеляхъ, она ждала Государя чай кушать и, прислушиваясь къ шагамъ его, она уже знала въ какомъ онъ расположеніи духа, и точно будучи озабоченъ, а можетъ быть, и разсерженъ, Государь Николай Павловичъ, сошедъ внизъ, не говоря ни слова сталъ ходить по комнатѣ.

Государыня Александра Ѳеодоровна налила чашку чаю, и камердинеръ подалъ ее Государю на подносѣ. Онъ взялъ, попробовалъ:— «безъ сахара»,—сказалъ съ досадой, бросилъ чашку на подносъ; она упала на коверъ и, натурально, чай пролился.

— «Скорѣе вытрите»,—сказала Царица челоуѣку и не стала увѣрять Государя, что сахаръ былъ, какъ многія бы женщины сдѣлали, и тѣмъ еще болѣе увеличила бы нерасположеніе духа Царя, но налила другую чашку и сама поднесла ему, говоря:

— «Эта съ сахаромъ.»

Государь обернулся къ тѣмъ, которые были въ комнатѣ:

— «*Cet ange de bonté me désarme toujours par sa douceur!*»

Сперанскій.

Михаилъ Михайловичъ Сперанскій былъ хорошій пріятель Ѳеодору Петровичу Львову; однажды онъ къ намъ пріѣзжаетъ и я, видя, что у него отстегнулась Андреевская звѣзда, хотѣла ее ему поправить.

— «Ради Бога оставьте ее такъ»,—сказалъ онъ мнѣ,—сейчасъ самъ Государь (Николай Павловичъ) свою мнѣ надѣлъ, когда я ему поднесъ мой сводъ законовъ, и онъ точно такъ ее надѣлъ; мнѣ и вечеромъ разстаться съ нею будетъ тяжело».

К. П. Брюлловъ.

По восшествіи на престолъ Государя Николая Павловича, тотчасъ приступили къ окончанію Исакиевскаго собора и поручено было лучшимъ художникамъ украсить его своими произведеніями; всѣ представили свои проекты и мысль Карла Павловича Брюллова на счетъ купола была совершенно одобрена Государемъ и писать его было ему поручено за 450 тыс. ассигнаціями. Монферанъ вдругъ присылаетъ ему сказать, что если онъ не дастъ ему со всей этой суммы 150/100, то куполъ будетъ у него отнятъ; взволнованный Брюлловъ посылаетъ ему сказать, что умереть скорѣе, чѣмъ на это согласится. Спустя нѣсколько времени писать куполъ Брюллову не позволили (мысль его теперь исполнена Бруни съ картоновъ Брюллова, во время его

болѣзни и послѣ смерти его). Приѣхала я къ нему, узнавъ объ этомъ; онъ вышелъ ко мнѣ на встрѣчу и я его не узнала: такъ горькое это повелѣніе его сразило; онъ былъ внѣ себя; эскизъ купола, утвержденный княземъ Волконскимъ по повелѣнію Государя, стоялъ на мольбертѣ у него въ гостиной.

— «Я было хотѣлъ его разорвать въ первую минуту, — сказалъ мнѣ Брюлловъ, — но одумался, поставилъ его предъ собою и говорю нѣсколько разъ въ день, подойдя къ нему: гляди, червякъ, и ты возмѣлъ мысль гордую въ великій вѣнокъ этого зданія внести свой листокъ, — гляди на это и смирайся».

При этомъ губы у Брюллова тряслись и онъ успокоиться не могъ и рассказывалъ намъ, что по зависти тотъ же Монферанъ увѣрилъ, что писаніе масляными красками на куполѣ не выдержитъ морозовъ и теплаго воздуха снизу и что, переговора съ принцемъ Лейхтенбергскимъ, мужемъ Великой Княгини Маріи Николаевны, рѣшились уговорить Государя сдѣлать всѣ фигуры по эскизу Брюллова, но изъ гальванопластики, т. е. изъ тонкихъ мѣдныхъ листовъ. Видя совершенное отчаяніе Брюллова, А. Ѳ. Львовъ имѣлъ случай говорить объ этомъ Великой Княгинѣ Еленѣ Павловнѣ; я говорила Матвѣю Юрьевичу Вѣльгорскому, который служитъ (1854 г.) у Великой Княгини Маріи Николаевны, и представилъ имъ огорченіе Брюллова, который даже не въ состояніи бы былъ и вынести его; съ великою радостью мы узнали черезъ нѣсколько времени, что куполъ былъ возвращенъ Брюллову; но тутъ онъ рѣшительно и жизнь свою потерялъ. Мы были у него вверху и видѣли какъ онъ первую фигуру написалъ, которая весьма понравилась Государю; тутъ-же Брюлловъ намъ сказалъ, какъ тяжело ему работать, потому что, не смотря на стеклянные рамы, которыми его отдѣляли отъ нижней части церкви, въ которой тесали гранитъ и мраморъ, самая тонкая пыль летѣла къ нему, и мнѣ показалъ онъ отставшую бумажку отъ его картоновъ, на которой лежала въ шлепъ толщины самая мелкая отъ камней пыль.

— «И все это, — говорилъ Брюлловъ, — ложится мнѣ на грудь, я ее глотаю, а домой придя обѣдать, браню кухарку, что она съ известкой сварила мнѣ супъ».

Все это вмѣстѣ усилило его болѣзнь; онъ принужденъ былъ отъ купола отказаться. Государь приказалъ Бруни, подъ руководствомъ Брюллова, писать его, и когда я приѣхала бѣднаго больного провѣдать, онъ, показавъ мнѣ въ окошко изъ академіи куполъ Исакіевской церкви, сказалъ:

— «И это принимаю какъ испытаніе: вижу его, а другой его не шепчу!»

Брюлловъ тогда жестоко занемогъ скопленіемъ разныхъ болѣзней; около сердца ему поставили семь сетововъ или заволокъ, которые передегивали всякое утро; наконецъ, ему стало совершенно лучше и онъ поѣхалъ вмѣстѣ съ герцогомъ Лейхтенбергскимъ на островъ Мадеру, гдѣ почти поправился, но соскучилъ тамошнею жизнію, возвратился въ Римъ и тутъ, забывъ какъ слабое его здоровье все требовало осторожности, сталъ жить по прежнему и вскорѣ скончался.

Привезли въ Петербургъ прелестную картину Карла Павловича Брюллова, представляющую послѣдній день Помпеи. Узнавъ, что она стоитъ въ одной изъ залъ Зимняго дворца, мы поѣхали ее посмотреть послѣ пѣвческой капеллы, гдѣ мы до слезъ были тронуты ангельскимъ пѣніемъ, что мы тутъ слышали; съ душой, еще исполненнымъ восхищеніемъ отъ сочиненія и отъ исполненія, мы увидѣли картину Брюллова. Нельзя описать всего того, что я почувствовала, увидя изящную эту картину; слезы брызнули поневолѣ изъ глазъ моихъ и съ этимъ чувствомъ я пріѣхала къ Брюллову въ академію.

— «Неужели вамъ моя картина такъ нравится?»—спросилъ онъ меня.

— «Не знаю—она-ли, или расположеніе мое послѣ придворныхъ пѣвчихъ, — сказала я, — но вы еще видите, что я равнодушно про картину вашу говорить не могу.

— «А если бы вы знали, — сказалъ Брюлловъ, — какъ тутъ и тутъ лучше», показывая на голову и сердце свое.

По кончинѣ Великой Княгини Александры Николаевны, Преображенскіе офицеры пожелали сдѣлать образъ Царицы Александры и поставить его у себя въ казармѣ; поручили его написать Брюллову, и онъ, какъ очень чувствующій и гениальный человѣкъ, пользуясь портретами Великой Княгини, написалъ чудесный образъ Царицы Александры, чрезмѣрно сходный съ покойною Великою Княгиней. Онъ представилъ святую, летящую въ необыкновенной свѣтъ; правая ея рука положена на грудь, лѣвая опущена внизъ; она, кажется, говорить: «Да будетъ воля Твоя». Царская ея порфира съ плечей ея сошла и корона уже едва держится на головѣ; ангелъ едва поддерживаетъ святую и отдѣляетъ ее отъ міра, который представленъ внизу въ темномъ свѣтѣ.

Попросилъ меня Карлъ Павловичъ пріѣхать посмотреть этотъ образъ. Съ чувствомъ скорби, потерявъ ангельскую нашу Великую

Княгиню, я не могла безъ слезъ смотрѣть на него; градомъ онѣ лились, я молчала; Брюловъ, сидя рядомъ со мною, съ горемъ казалъ мнѣ.

— «И ее скоро отъ меня увезутъ, я ее больше не увижу!»

Говорилъ онъ это съ такою любовью и—что мудренаго, работа его, казалось, оживилась подъ его кистью. Государь самъ плѣнился этимъ образомъ и офицеры Преображенскаго полка пожертвовали имъ Царю. Его Величество приказалъ сдѣлать моленную въ той комнатѣ, гдѣ скончалась Великая Княгиня, въ Царскомъ, и образъ Царицы Александры тамъ поставилъ.

А. О. Львовъ.

Государь Николай Павловичъ и Императрица Александра Ѳеодоровна такъ милостивы были къ А. О. Львову, что позволили ему ходить акомпанировать на скрипкѣ Великой Княжнѣ Ольгѣ Николаевнѣ, когда та играла на фортепиано, и Великой Княжнѣ Александрѣ Николаевнѣ, когда она пѣла. Надобно было видѣть какъ обѣ Княжны изыскивали, чѣмъ попотчивать А. О. Львова; когда имъ подавали чай, котораго Львовъ не кушалъ, предлагали ему конфетъ, мороженаго и пр., и пр. Наконецъ А. О. Львовъ, въ замѣшательствѣ отъ столькихъ милостей, сказалъ:

— «Если непременно угодно вашимъ высочествамъ меня чѣмъ нибудь попотчивать, то прикажите очистить мнѣ апельсинъ съ мелкимъ сахаромъ».

Это въ ту же минуту и было сдѣлано, и впоследствии лишь, бывало, подадутъ чай Великимъ Князямъ, Ольга Николаевна или Александра Николаевна, у которой поочереди чай кушали, вставала, подходила къ маленькому шкапику, вынимала на тарелкѣ очищенный апельсинъ съ сахаромъ и подавала его Львову. Однажды очередь была дѣлать музыку у Великой Княжны Александры Николаевны; пріѣхалъ А. О. Львовъ, встрѣтила его Великая Княжна и Софья Ивановна Гигенботомъ, англичанка, которая ее воспитывала; натакѣ черезъ нѣсколько минутъ слѣдующій разговоръ.

Софья Ивановна: «Вы думаете, Алексѣй Ѳеодоровичъ, что Великая Княжна добра?»

Львовъ: Я въ этомъ увѣренъ.

— «А я вамъ скажу, что она не только что не добра, но скупа и въ причину, что я это узнала».

Великая Княжна: Пожалуйста, Софья Ивановна, не рассказывайте.

— А я прошу, ради Бога, расскажите, — сказалъ Львовъ, — тѣмъ болѣе, что я невинная тому причина.

Какъ ни упрашивала Софью Ивановну Великая Княжна не говорить ничего, но та сказала Львову.

— «Сами разсудите, права-ли я: сегодня поутру принесла цѣлую корзинку ея высочеству лучшихъ рѣдкихъ фруктовъ и они у нея въ шкапу; я предложила ей ими васъ попотчевать и она никакъ не согласилась: вѣрно, сама ихъ хочетъ кушать».

Тутъ Великая Княжна не вытерпѣла, покраснѣла и почти со слезами на глазахъ сказала:

— «Ахъ, Софья Ивановна, я не хотѣла быть первою, потчуя Алексѣя Ѳеодоровича рѣдкими фруктами: у Ольги вчера точно такіе же были и она ими не успѣла попотчевать его!»

А. Ѳ. Львову одинъ прусскій офицеръ привезъ изъ Берлина мажорантъскій мелодикантъ; тонъ этого инструмента очень понравился Великой Княгинѣ Александрѣ Николаевнѣ и тогда Львовъ просилъ у нея позволенія его ей поднести.

— «Ни за что, — отвѣчала Великая Княжна, — не хочу васъ его лишить!»

— Но я никакъ не думаю, — сказалъ Львовъ, — подарить его вашему высочеству, но отдаю вамъ его на 50 лѣтъ; потомъ вы мнѣ его воротите.

Не прошло двухъ лѣтъ, Львовъ его получилъ обратно послѣ кончины Великой Княгини, вмѣстѣ съ акварелями, что нарисовалъ Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ Львовъ въ ея альбомѣ. Тогда же Императрица Александра Ѳеодоровна прислала въ капеллу и платице Великой Княгини, сдѣланное, на подобіе платья маленькихъ пѣвчихъ, изъ малиноваго капемира съ золотыми шнурами и часами; Львовъ заказалъ со стекломъ ящикъ на ножкѣ и только что хотѣлъ положить его туда, какъ остановилъ его человекъ простой, невоспитанный, который содержалъ магазинъ дѣланныхъ цвѣтовъ — Ляпинъ.

— «Какъ, Алексѣй Ѳеодоровичъ, — сказалъ онъ, — вы хотите просто положить дорогое платице на бумагѣ подъ стекло? Нѣтъ, ужъ позвольте мнѣ сдѣлать розовую гирлянду и на нее драгоцѣнность положите, а пусть цвѣтовъ моихъ никто не увидитъ».

И, въ самомъ дѣлѣ, на другой день принесъ Ляпинъ шифръ Великой Княгини, сдѣланный изъ незабудокъ, и вѣнокъ изъ розановъ, на которые платице дорогое и положили.

РАЗСКАЗЫ, ЗАМѢТКИ И АНЕКДОТЫ,

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ

ЕЛИЗАВЕТЫ НИКОЛАЕВНЫ ЛЬВОВОЙ.

[род. 1788, ум. 1864 г.] ¹⁾.

Не помню кѣмъ, кажется, Лампиѣмъ, написавъ портретъ императрицы Екатерины II, въ которомъ она представлена сжигающей благоволенный фимиамъ передъ бюстомъ Петра I на пылающемъ жертвенникѣ, съ надписью: «Начатое совершаю». И точно, многое ею было окончено. Она носила въ перстнѣ портретъ Петра Великаго и однажды принцъ де-Линь (Prince de Ligne), который находился при ней посланникомъ отъ Австрійскаго двора, спросилъ ее:

«Pourquoi votre Majesté porte t'Elle ce portrait?»

— Je le consulte à toute heure, répondit l'Impératrice.

Императрица Екатерина II, учредивъ академію художествъ, приказала такъ ее построить, чтобы въ серединѣ ея былъ круглый дворъ, обнесенный всѣмъ строеніемъ академіи; удивленный такимъ приказаніемъ гр. Безбородко, который долженъ былъ измѣнить планъ, поданный имъ императрицѣ, спросилъ ее, почему она именно желаетъ имѣть круглый дворъ въ академіи?

— «Для того, отвѣчала Екатерина, чтобы всѣ дѣти, которые тутъ учиться будутъ, имѣли бы ожеминутно величину купола с. Петра подъ глазами и соображались съ нимъ въ своихъ архитектурныхъ проектахъ.

¹⁾ См. «Русская Старина» изд. 1880 г., томъ XXVII (мартъ), стр. 635—650; томъ XXVIII (іюнь), стр. 337—356; (августъ), стр. 794—801.

Иногда императрица Екатерина, хотя не большой была знатокъ въ музыкѣ, но любила ее слушать и приказывала князю Платону Александровичу Зубову устраивать у нея квартеты и комнатные концерты. Выслушавъ, однажды, квартетъ Гайдена, она подозвала Зубова къ себѣ и сказала ему на ухо:

— «Когда кто играетъ solo, я и знаю, что какъ кончится, его аплодировать должно, но въ квартетѣ я теряюсь и боюсь похвалить не кстати; пожалуйста, взгляни на меня, когда игра или сочиненіе требуетъ похвалы».

Послѣ славнаго мира Кайнарджинскаго, Румянцовъ, сидя за обѣдомъ со всѣмъ своимъ штабомъ, принялъ курьера изъ Петербурга; графъ приказалъ курьеру принести депеши, что онъ привезъ; распечатавъ первый пакетъ отъ Императрицы, узнаетъ что его государыня назначаетъ фельдмаршаломъ. Прочитавъ вслухъ рескриптъ, улыбувшись, онъ сказалъ: «Государыня жалуетъ меня фельдмаршаломъ; она ошибается, я рожденъ фельдмаршаломъ».

Во время итальянской кампаніи (1799 г.) назначенъ былъ въ Вѣнѣ военный совѣтъ и всѣ генералы были къ нему приглашены съ тѣмъ, что всякій изъ нихъ долженъ былъ привести свой планъ, какъ продолжать войну. Явился и нашъ Суворовъ; всѣ сѣли вокругъ стола и по очереди каждый читалъ свой планъ кампаніи; какъ очередь дошла до Суворова, онъ, держа свитокъ бумаги, положилъ его на столъ; раскрыли его, и что-же нашли?—Вѣную бумагу. Всѣ удивились, а Суворовъ, смѣясь, сказалъ:

— «Если бы шляпа моя знала планы мои, то я бы и ее смѣлъ».

Чувствуя себя уже очень слабымъ, князь Суворовъ пожелалъ видѣть передъ смертью Гавріила Романовича Державина; пріѣхалъ Державинъ къ нему, онъ посадилъ его къ себѣ на кровать и сталъ говорить про самыя серьезныя дѣла съ такимъ умомъ, что у Державина не разъ навертывались слезы.

— «Зачѣмъ ты не всегда такъ говоришь, князь, спросилъ Державинъ, и при другихъ только пѣтухомъ поешь и дурачишься?»

И въ эту минуту кто-то вошелъ въ комнату. Князь взялъ Державина за руку и смѣясь: «ну, какую же ты мнѣ напишешь эпитафію?» сказалъ Суворовъ.

—«По моему, отвѣчалъ Державинъ, словъ много не нужно: тутъ лежитъ «Суворовъ»!»

—«Помилуй Богъ, какъ хорошо», въ восторгѣ, но слабымъ голодомъ закричалъ Суворовъ и крѣпко пожалъ руку Державину.

У насъ была дача на Петергофской дорогѣ, въ которой мы всякое лѣто жили въ продолженіи почти 25-ти лѣтъ. О. П. Львовъ любилъ ею заниматься и какъ много было земли подъ этой дачей, то онъ и развелъ оранжерей, сады и луга; занимаясь всѣмъ этимъ, онъ узналъ, что въ Англіи сѣютъ *Timothee grass* на луга и что отличная эта трава и здѣсь продается втрое дороже обыкновеннаго сѣна, ею и приказалъ засѣять нѣсколько земли на дачѣ, гдѣ и постройки разныя производились нанятыми людьми изъ разныхъ губерній. Однажды, гуляя по дачѣ и толкуя съ работниками, О. П. Львовъ имъ показалъ *Timothée grass* и сказалъ:

«Вы, вѣрно, не знаете эту траву?»

— Какъ не знать, отвѣчалъ одинъ изъ нихъ, Тимошкину-то траву? Нѣтъ, батюшка, на нашихъ лугахъ она и по сію пору водится; когда батюшка Петръ I вывелъ клеперовъ изъ Лифляндіи въ Вятку, то тогда же приказалъ засѣять всѣ луга Тимошкой травой и мы по сію пору его за это благодаримъ.

По этому видно какой хорошій былъ хозяинъ Петръ Великій; исчислить всего нельзя, что онъ сдѣлалъ для Россіи и не мудрено, что Екатерина Великая безпрестанно совѣтовалась съ его портретомъ. Желая имѣть лучшій скотъ въ Россіи, онъ выписалъ его изъ разныхъ странъ и помѣстилъ въ Холмогорахъ, гдѣ солончаки, т. е. озера соленныя, которыя весной разливаются, оставляя по лугамъ соль на землѣ и отъ этого скотъ имѣетъ лучшій кормъ. На берегахъ Волхова вездѣ приказалъ засѣять дубовыми желудями, увидѣвъ, что почва земли удобна для этого; и по сію пору прелестные дубы волховскіе красуются по берегамъ и весной прямо сюда въ адмиралтейство доставляются.

Послѣ 1812 года, когда графъ Ростопчинъ пожертвовалъ Москвою, чтобы сохранить славу Россіи, государь Александръ, по сродной его добротѣ, многое простилъ, за чтобы должно было наказать; узнавъ это, гр. Ростопчинъ сказалъ государю:

— «Вы такъ милостивы и добры, Ваше Величество ко всѣмъ, слушая влеченіе души вашей, а не худо бы было вамъ взять на время изъ Кунсткамеры дубинку Петра I».

Александръ Николаевичъ Львовъ.

Братъ мой Александръ Николаевичъ Львовъ служилъ въ статской службѣ, когда загорѣлась жестокая война 1812-го года; не посмѣлъ онъ на то, что былъ ужасно близорукъ, поступилъ въ военную службу и тотчасъ отправился въ армію, гдѣ въ скоромъ времени былъ уже въ трехъ сраженіяхъ и удостоился за свою храбрость быть представленнымъ къ тремъ наградамъ, между прочимъ къ золотой саблѣ съ надписью «за храбрость».

Въ это самое время, женихъ Вѣры Николаевны Львовой, Алексѣй Васильевичъ Воейковъ былъ въ арміи при Петрѣ Петровичѣ Коновницкиѣ, который поручилъ Воейкову «приказать немедленно отыскать Львова и отправить его въ Петербургъ».

Стали искать Львова, а между тѣмъ Воейковъ написалъ В. Н. Львовой, «что очень можетъ быть, братъ Александръ скоро пріѣдетъ въ Петербургъ», не прибавляя къ этому ни слова. Чрезмѣрно мы всѣ этой новости обрадовались, но Ѳ. П. Львовъ безпрестанно меня уговаривалъ не предаваться радости, говоря, что «въ пріѣздѣ брата во время самаго пыла войны онъ ничего хорошаго не предвидитъ. Получили другое письмо отъ Воейкова, въ которомъ онъ написалъ «братъ Александръ въ Петербургъ не поѣдетъ». Вдругъ, недѣли черезъ три, присылаютъ отъ г-жи Державиной, у которой жили мои сестры, сказать мнѣ, что братъ изъ арміи пріѣхалъ. Я тотчасъ вообразила, что онъ присланъ курьеромъ съ какой нибудь побѣдой, а Ѳ. П. Львовъ все меня удерживалъ отъ радости, имѣя грустное предчувствіе. Вошла я къ сестрамъ; встрѣчаетъ меня старушка наша няня; я въ радости цѣлую ее и говорю: «Саша пріѣхалъ!»

— Да, матушка, отвѣчаетъ она мнѣ съ грустью, но только такъ странно пріѣхалъ—на извозникѣ и мѣдныя деньги въ сапогѣ. Услышавъ это, я не въ силахъ была идти далѣе. Я сѣла у сестеръ въ комнатѣ, послала за братомъ, который былъ съ ними у Державина въ кабинетѣ. Саша пріѣхалъ ко мнѣ и, увидя его нечесаннаго, заросшаго бородой, я ни слова не могла ему сказать. Онъ кинулся ко мнѣ и Ѳ. П. Львова цѣловать, крича:

— «Милые друзья мои, васъ ли я вижу? Боже милостивый, я не помню себя отъ радости!»

Изступленный его видъ, его рѣчи болѣе и болѣе приводили меня въ смущеніе; не понимая ничего, я зарыдала и тогда онъ, овладѣвъ собою, сталъ меня успокаивать, сѣлъ рядомъ съ нами и разсказалъ слѣдующее.

— «Вы, зная меня, можете себя представить, съ какимъ восторгомъ, простившись съ вами, я скакалъ въ армію, не теряя ни минуты; приѣхавъ въ Рязань, увидѣлъ меня Дмитрій Марковичъ Полторацкій усталого, изнуреннаго; упросилъ меня идти обѣдать къ Елизаветѣ Федоровнѣ Бухаринной, которой мужъ былъ тогда губернаторомъ въ Рязани. Съѣли мы обѣдать и Полторацкій сталъ меня разспрашивать, что дѣлается въ Петербургѣ и какъ смотреть на приближеніе Наполеона скоро уже къ Смоленску. Я, увидя двухъ молодыхъ людей во фракахъ мнѣ незнакомыхъ, ничего не отвѣчая; тогда Полторацкій сталъ уговаривать меня говорить откровенно, что молодые эти люди ему родня и что онъ за нихъ отвѣчаетъ и пр. Тогда я просто разсказалъ, какое дурное впечатлѣніе дѣлаетъ въ народѣ, что всѣ богатства изъ кабинета укладываютъ въ лодки и отправляютъ въ Виттегру; какъ недовольны отступленіемъ Барклая-де-Толи, отъѣздомъ государя Александра Павловича изъ арміи. Тутъ пошли разсужденія, а я, простясь съ губернаторомъ, его женою, Полторацкимъ и поклонясь двумъ незнакомцамъ, тотчасъ сѣлъ въ сани и полетѣлъ въ армію; въ теченіи нѣсколькихъ дней успѣлъ быть въ трехъ сраженіяхъ очень счастливо, за которыя меня представили къ награжденіямъ, какъ вдругъ приходитъ повелѣніе Львову явиться къ главнокомандующему. Я поѣхалъ и какое было мое удивленіе, когда гр. К. оновницынъ мнѣ объявилъ, что я тотчасъ буду отправленъ съ фельдъегеремъ въ Петербургъ. Сталъ я просить графа, чтобы онъ мнѣ сказалъ мою вину чтобы я могъ оправдаться, что я былъ уже въ трехъ сраженіяхъ и начальникомъ представленъ къ награжденію. Графъ выслушалъ меня и сказалъ:

— «Напишу два письма, молись Богу, молодой человѣкъ, чтобы главнокомандующій подписалъ то, которое тебя спасти можетъ».

«Не зналъ я даже, чѣмъ это рѣшилось, какъ принужденъ былъ тотъ же часъ ѣхать съ фельдъегеремъ, который во всю дорогу не давалъ мнѣ ѣсть съ ножомъ и вилокъ и не позволялъ бриться; такимъ образомъ приѣхалъ я въ Петербургъ; вы легко можете себя представить, каково мнѣ было ѣхать по обуховскому мосту, зная, что вы, можетъ быть, всѣ у Державина вмѣстѣ и страшился кого либо изъ знакомыхъ встрѣтить. Такъ промчались мы прямо въ домъ графа Аракчеева; заперли меня почти въ подвалъ и на другой день графъ приказалъ меня рано по утру привезти къ нему и заставилъ меня ему разсказать, какъ я вступилъ въ военную службу и что со мной съ тѣхъ поръ было.

— «Я ѣду сейчасъ къ Государю, сказалъ мнѣ графъ, ничего не общаю, но молись Богу, молодой человѣкъ;» съ этими словами сѣлъ

въ карету и поѣхалъ во дворецъ. Не стану описывать всего то, что чувствовала моя душа въ ожиданіи графа; наконецъ, въ три часа онъ возвратился, послалъ за мной. «Государь простилъ тебя», сказалъ онъ мнѣ, «но, молодой человѣкъ, впередъ тебѣ урокъ—на привязи держать языкъ; посмотри, что про тебя написано». Вынулъ графъ бумагу изъ портфеля и раскрывъ ее, далъ мнѣ прочесть; написано было: «за недѣльные и вредные слухи, что Львовъ, проѣзжая черезъ Разань, распускалъ, по моему мнѣнію, въ примѣръ другимъ долженъ быть разстрѣлянъ».

«Графъ перевернулъ листъ, внизу подлинано было «Барклай-де-Толль».

«Меня тотчасъ графъ Аракчеевъ отпустилъ и я, на извожикѣ, небритый, какъ вы видите, влетѣлъ въ столовую къ дядинкѣ, не видавъ, что у него пропасть было гостей, и кричалъ какъ безумный; всѣхъ цѣловалъ, не вѣрилъ глазамъ своимъ, что я опять здѣсь съ вами и меня уже дядинька утащилъ въ свой кабинетъ, гдѣ я все ему рассказавъ, что теперь я вамъ, мои друзья, повторилъ».

Вы можете себѣ вообразить, какое впечатлѣніе сдѣлало на насъ все то, что мы слышали и какъ съ горячими слезами мы поблагодарили Бога, что дорогаго нашего брата Онъ намъ сохранилъ. Впоследствии мы узнали, что это были, именно, эти два молодые человѣка, во фракахъ, за столомъ у Елисаветы Федоровны Бухариной, по фамиліи П—скіе, которые, ѣхавъ въ армію тоже служить, рассказали Барклаю и вѣрно съ преувеличеніемъ то, что говорилъ А. Н. Львовъ за столомъ и надобно же было, чтобы бумага, которую подписалъ Барклай, была получена гр. Аракчеевымъ, который былъ врагъ Барклая и тутъ, конечно, не желаніе спасти Львова заставило графа, можетъ быть, убѣдительно просить государя простить Львова, но желаніе доказать Барклаю, что онъ, Аракчеевъ, сильнѣе его у двора.

Когда въ 1814-мъ году Государь Александръ Павловичъ воротился въ Петербургъ, Гавріилъ Романовичъ Державинъ представился ему, желая поздравить его лично со всѣми его успѣхами.

— «Да, Гавріилъ Романовичъ, сказалъ Государь, мнѣ Господь помогъ устроить виѣшнія дѣла Россіи, теперь примусь за внутреннія, но людей нѣтъ».

«Они есть, Ваше Величество, отвѣчалъ Державинъ, но они въ глуши, ихъ искать надобно; безъ добрыхъ и умныхъ людей и свѣтъ бы не стоялъ!»

Въ Парижѣ Брегетъ, извѣстный часовыхъ дѣлъ мастеръ, однажды въ своемъ кабинетѣ дѣлалъ вычисленіе вновь изобрѣтенныхъ имъ часовъ и такъ былъ этимъ занятъ, что не подвигалъ даже головы, чтобы посмотрѣть кто вошелъ къ нему и стукнулъ дверью. Вошелъ Бетанкуръ; онъ подошелъ къ креслу Брегета, черезъ его плечо видѣть исчисленіе, тотчасъ его сообразилъ и сказалъ:

«C'est mauvais ce que vous faites là».

— Faites mieux, répondit Breguet en lui passant sa plume tout de suite.

Бетанкуръ сѣлъ, сдѣлалъ исчисленіе; Брегетъ обнялъ его въ исторгѣ и съ тѣхъ поръ часы его извѣстны стали подъ именемъ Breguet et Bétancourt.

Иванъ Андреевичъ Крыловъ.

Иванъ Андреевичъ Крыловъ жилъ долго въ домѣ у Николая Александровича Львова, гдѣ онъ былъ принятъ 12-ти лѣтнемъ мальчикомъ по бѣдности; отецъ его былъ бѣдный тверской дворянинъ и, не имѣя возможности воспитывать сына своего Ванюшу дома, отдалъ его Петру Петровичу Львову, который умнымъ мальчикомъ занимался, училъ чему могъ, а между тѣмъ, какъ Ванюша выросъ и сдѣлался расторопнымъ молодымъ человѣкомъ, всегда былъ чисто и пристойно одѣтъ и какъ въ домѣ Петра Петровича людей было мало, то часто, какъ гости бывало пріѣдутъ, то ктонибудь изъ хозяевъ и скажетъ: «Ванюша, подай въ гостиную подносъ съ чаемъ», и Крыловъ ловко исполнялъ желаніе хозяевъ и получалъ благодарность отъ добраго и умнаго Петра Петровича. Потомъ Крыловъ отправленъ былъ въ Петербургъ и уже тамъ извѣстенъ сталъ всей Россіи своими прелестными баснями. Часто посѣщалъ онъ и нашъ домъ, хотя рѣшительно никогда не упоминалъ о домѣ Петра Петровича; можетъ быть очень, самолюбіе его страдало, вспоминая, что онъ служилъ тамъ иногда какъ лакей и не мудрено, что онъ никогда объ этомъ и не говорилъ, но всегда былъ въ домѣ Ѳ. П. Львова самый близкій человѣкъ; почти всегда у насъ читалъ онъ свои новыя басни и любилъ часто у насъ обѣдать, потому что простой нашъ столъ и не церемонный пріемъ всегда ему нравились.

Вскорѣ послѣ моей свадьбы, какъ то разъ Иванъ Андреевичъ Крыловъ пришелъ къ намъ обѣдать; покушалъ всего съ обыкновеннымъ своимъ апетитомъ, потому что любилъ покушать; подали мнѣ дѣлать салатъ; я взяла плетеную бутылочку, въ которыхъ, бывало,

всегда привозили изъ Италіи масло, понюхала ее и говорила буфетчику: «масло не хорошо». Но какъ другаго достать было долго, я принуждена была съ этимъ же масломъ сдѣлать салатъ и Брыловъ мнѣ сказалъ:

— «Вы еще молодая хозяйка, примите мой совѣтъ; вашего салата я уже не возьму, потому что вы сказали масло не хорошо, а я бы, очень можетъ быть, самъ бы и не замѣтилъ; хорошая хозяйка прежде обѣда пересмотритъ все или прикажетъ довѣренному человѣку это сдѣлать; уже поздны замѣчанія, когда уже гости за столомъ! Точно также хорошая хозяйка и не совсѣмъ удачное блюдо порочить не должна, гости если и замѣтятъ, какъ гости деликатные, промолчатъ, а другіе бы и не примѣтили, если бы хозяйка сама не заставила бы ихъ примѣтить».

Михаилъ Петровичъ Лазаревъ.

Михаилъ Петровичъ Лазаревъ, извѣстный нашъ адмиралъ, который скончался въ Николаевѣ въ 1851-мъ году, былъ давній знакомый нашъ и былъ какъ родной, прежде даже чѣмъ его сестра Вѣра Петровна вышла замужъ за Петра Петровича Львова. Просиживая цѣлыя вечера у насъ, бывало Михаилъ Петровичъ занималъ насъ чрезвычайно разсказами о своихъ путешествіяхъ кругомъ свѣта; привезъ онъ мнѣ даже двѣ параклитки сѣмянъ цвѣточныхъ, луковицъ и кукурузы изъ Новой Гвиней и я очень помню, что, боясь неудачно выростить сѣмена и луковичи, я пригласила къ себѣ извѣстнаго во всей Европѣ ботаниста Фишера, которому было поручено устройство ботаническаго императорскаго сада и оранжерей, и отдала ему всѣ мои сѣмена и луковичи, между которыми была одна въ величину человѣческой головы, породы *Rapsgazium*, и онъ мнѣ сознался, что читалъ объ этой луковичѣ, но никогда въ цвѣту ее не видалъ и видно, что, пройдя черезъ экваторы, она потеряла свои соки, у Фишера не цвѣла; потомъ, показавъ ему мои параклитки, которыя были самыхъ отличныхъ цвѣтовъ, и кукурузу высыпавъ изъ мѣшка, чтобъ онъ увидѣлъ, какъ она была крупна, онъ вдругъ закричалъ:

— «*Quel bonheur! Un scarabé de la Nouvelle Guinée!*»

И что же? Нашелъ онъ въ кукурузѣ ронившихся множество простыхъ сѣренскихъ букашекъ, которыя съ поспѣшностью онъ изъ кукурузы выбросилъ и положилъ въ особенную тарелочку.

Но говоря про милаго и умнаго М. П. Лазарева, котораго мы лишь-

лись въ 1853-мъ году и котораго замѣнить трудно, я забыла еще рассказать анекдотъ, который случился съ Лазаревымъ и который онъ самъ мнѣ рассказывалъ.

— «Живя въ Кронштадтѣ, говорилъ онъ, съ тремя молодыми товарищами, имѣя еще гостей, одинъ вечеръ, мы долго всѣ играли въ карты и гости насъ такъ обыграли, что ни копѣйки у насъ не осталось въ домѣ, не на что было и чаю купить, такъ что мы всѣ четверо, спавши всѣ вмѣстѣ въ одной комнатѣ, легли спать безъ ужина, не имѣя надежды что либо поѣсть и на другой день по утру; товарищи заснули, а я долго вертѣлся и спать не могъ; наконецъ, передъ самымъ тѣмъ временемъ, какъ мнѣ уснуть, слышу, что кто-то потихоньку отворяетъ наше окошко, а мы жили въ нижнемъ этажѣ; я тоже притворился спящимъ и вижу, что влѣзаетъ къ намъ воръ; онъ подошелъ тихо къ первой кровати, обобрахъ платье моего товарища, положилъ все въ платокъ, потомъ и къ другой, и къ третьей подошелъ, обирая все; но лишь только онъ взялся за мое платье, я вдругъ вскочилъ, схватилъ его за горло, шопотомъ уговаривая его не кричать и вдругъ сказалъ ему: всѣ деньги, что у тебя есть, сейчасъ отдай мнѣ! Воръ такъ испугался, что вынулъ изъ кармана пять рублей, все что у него было; я ихъ взялъ, отнялъ платье моихъ товарищей, проводилъ въ затмокъ хорошо вора, заперъ окошко и, какъ уже начинало разсвѣтать, я разбудилъ человѣка моего, отдалъ ему пять рублей и послалъ его купить всякой всячины для завтрака. Лишь только онъ все принесъ, я осторожно велѣлъ накрыть столъ и когда все было готово, я сталъ будить товарищей, говоря, что завтракъ ихъ ждетъ. Они, не открывая глазъ, просиди меня оставить ихъ спящихъ, приговаря: «Ты путишь надъ нами, мы знаемъ, что копѣйки въ домѣ нѣтъ». Но какъ я не переставалъ ихъ будить, одинъ открылъ глаза и вѣрить имъ не хотѣлъ, что пышный завтракъ ихъ ожидаетъ, въ одинъ мигъ всѣ поднялись, всѣ бросились ко мнѣ, чтобъ узнать, откуда я досталъ ночью денегъ и я имъ рассказавъ, какъ я самаго вора обокраглъ».

Говорятъ, что графы С—вы такъ кичатся своимъ именемъ, что, однажды, при свидѣтелѣ дѣти графини спрашивали у нея:

—«Maman, Jésus Christ a été S ff?»

— Mes enfants, leur répondit la comtesse, Jésus Christ n'a point eu de famille, mais s'il en avait eu une, pour sûr elle serait S ff».

Прусскій король, видя нѣсколько разъ, какъ князь Петръ Михайловичъ Волконскій былъ «безъ вины» виновать въ глазахъ государя Александра Павловича и какъ кротко онъ сносилъ выговоры и даже гнѣвъ государя, будучи преданъ ему и всему семейству всею вѣщою, однажды, видя неудовольствіе государя Александра Павловича при разводѣ, подошелъ къ нему и очень серьезно сказалъ:

— «Il faut laver la tête à Wolkonsky».

Конечно, тутъ подумалъ государь, что онъ часто понапрасно гнѣвался на князя.

Custine.

En 1840 nous avons passé tout l'été à Ems pour M-me Lvoff, qui avait été souffrante; nous y fîmes connaissance de M-r Custine et nous avons tout à fait ignoré qu'après avoir été en Russie en 1839 il avait publié ses mémoires dans les quels il avait non seulement indignement parlé de la Russie, mais même publié des entretiens confidentiels qu'il avait eu avec l'Empereur Nicolas. Comme M-r de Custine était un homme très aimable, nous avons beaucoup de plaisir à passer plusieurs soirées dans sa société. On parlait justement alors du désir qu'avait les français de posséder à Paris les restes de Napoléon et je disais à M-r de Custine que cela fait honneur à la nation.

A cela il me répondit:

— Oh, Madame, pourquoi jouer avec le feu? Ces mêmes restes ne pourront elles pas fomentier encore une révolution et n'en avons nous pas eu assez de révolutions? Dieu a élevé à la mémoire de Napoléon le plus beau monument, le rocher de S-te Hé-lène, pas un bâtiment ne passe devant sans baisser pavillon».

M-r Custine s'est trompé; on apporta plus tard à Paris les restes de Napoléon et comme il avait fait dix degrés de froid il y eut très peu de personnes qui vinrent à leur rencontre et tout fut tranquille.

M-r de Custine avait écrit quelque chose de bien joli dans l'album de vorte tante Marie; à notre retour à Pétersbourg on nous apprit comme Custine avait mal parlé de la Russie et peu apprécié tout ce que l'on avait fait pour le bien recevoir; votre tante indignée de plusieurs passages de ses mémoires coupa la feuille de son album où Custine avait écrit, la mit sous une enveloppe et l'adressa à M-r de Custine à Paris. Je crois qu'il fut un peu blessé de cette marque de mépris d'une jeune fille qui était patriote dans l'âme. Je me rappelle, on m'a dit qu'à une soirée de l'Impératrice Alexandra Feodorovna l'Empe-

reur Nicolas entra dans son salon et dit devant toute la société (qui était peu nombreuse):

— «Je viens de lire un article dans Custine qui m'a fait bien rire; il prétend que je porte corset, il se trompe, je n'en porte point et je n'en ai jamais porté, mais j'ai ri de bon cœur à sa réflexion, il dit que l'Empereur a tort de porter un corset, car on peut déplacer le ventre, mais non le détruire».

Balsac arriva chez nous quelque temps après que Custine avait écrit ses mémoires; on se garda bien de le recevoir comme on avait reçu Custine quoiqu'on l'ait traité avec beaucoup de politesse et Balsac en arrivant à Paris dit «qu' il avait reçu le soufflet à Pétersbourg que l'on avait dû plutôt donner à Custine».

Когда А. О. Львовъ совсѣмъ кончилъ свою оперу Bianca et Gualtiero, которой только первое дѣйствіе государь Николай Павловичъ слышалъ спѣтымъ извѣстнымъ пѣвцомъ Рубини вмѣстѣ съ М-me Viardo et Tambourini и которое Государю чрезмѣрно понравилось и меня онъ даже, взявъ за обѣ руки, при всѣхъ поздравилъ «за такое прелестное сочиненіе моего сына» и тутъ же сказалъ, какъ онъ «желаетъ услышать и второе дѣйствіе»; тогда великая княжна Александра Николаевна была помолвлена за принца Гессенскаго, за котораго она и вышла потомъ замужъ. А. О. Львовъ, зная, что всегда при царскихъ свадьбахъ стараются представить на театрѣ какую нибудь новую пьесу, поднесъ совсѣмъ готовую свою оперу Bianca великой княжнѣ и какъ Государь первое уже дѣйствіе слышалъ, то всѣ и увѣрены были, что непременно оперу эту дадутъ на сценѣ. Но умѣли увѣрять недоброжелатели А. О. Львова, «будто итальянцы пѣть этой оперы не хотятъ» (хотя у Львова и теперь хранится письмо, подписанное Рубини, Виардо и Тамбурини, въ которомъ они изъявляютъ ему восхищеніе и «желаніе пѣть эту оперу»). Кончилось тѣмъ, что однажды А. О. Львовъ приѣхалъ къ великой княжнѣ и она ему вдругъ говорить:

«Savez vous, M-r Lvoff, j'ai été furieuse ce matin».

— J'aurais été curieux, répondit Lvoff, de voir Votre Altesse dans cet état, si peu fait pour Vous.

«Non, dit la grande Duchesse, sans badiner, j'ai été furieuse; après avoir montré si peu de désir de monter Bianca, on a osé venir me demander mon opéra pour que je l'entende avec l'accompagnement des fourchettes et ces couteaux, aussi je l'ai décidément refusé».

On devait chanter quelques morceaux à la table de noces de la Grande Duchesse, qui a eu lieu le 16 janvier 1844 et dont votre tante

Мария Теодоровна m'avait apporté le bouquet d'immortelles qui se trouve encadré chez moi dans un cadre noir en fer de fonte; lorsqu'elle me l'apporta avec un sentiment très pénible je l'ai éloigné de moi en disant: le prince Wolkonsky n'a pas trouvé de fleurs fraîches pour orner la table de noces de notre angélique Grande Duchesse! Et il ne se passa pas guère de temps que nous apprîmes la mort de cet ange étant à l'étranger et qu'à notre arrivée on m'apporta les mêmes immortelles de dessus sa tombe. Elles se trouvent dans le même cadre!

Однажды Государь Николай Павловичъ дѣлать смотръ полку, былъ чрезвычайно всѣмъ недоволенъ и даже командующему полкомъ генералу сказалъ при фронтѣ:

— «Вы не заслуживаете ваших эполетъ!»

И въ гнѣвъ, не докончивъ смотра, уѣхалъ во дворецъ. Спусти нѣсколько часовъ, Государь посылаетъ за однимъ изъ ближайшихъ къ нему лицъ.

— «Не правъ ли я былъ, говорить ему Государь, сегодня по утру при смотрѣ?»

Тотъ ни слова не отвѣчалъ.

— «Я тебя спрашиваю, говоритъ Государь, не такъ какъ Государь, а какъ другу скажи правду».

— Если приказываете, Ваше Величество, отвѣчалъ N. N., то не скрою передъ Вами, что Вы дурно поступили.

Лишь только онъ успѣлъ выговорить эти послѣднія слова, Государь, покраснѣвъ отъ досады, взявъ N. N. за плечи, повернулъ его, и вывелъ въ дверь; а фуражку N. N., что осталась въ комнатѣ, Государю кинуть ему вслѣдъ.

Но все это мучило Государя во весь день; настало время чая, Государь сошелъ къ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ; никого у нея не было.

— « Dites au valet de chambre, lui dit-il, d'aller de votre part engager N. N. à venir prendre le thé chez vous ».

Государыня послала камердинера, который через нѣсколько минутъ пришелъ сказать ей, что графъ извиняется, что онъ нездоровъ.

— «Envoyez lui dire, dit l'Empereur, que vous l'attendez et qu'il vienne en surtout».

Le valet de chambre remplit les ordres de l'Impératrice et au bout de quelques minutes elle vit venir N. N. Dès que l'Empereur le vit entrer:

— «Il faut, lui dit-il, que nous representations la scène de ce matin, seulement, au rebour, moi je serai N. N. et vous l'Empereur».

Le comte refusa nettement de remplir ses ordres, l'Impératrice qui ne se doutait de rien, joint ses instances à celles de l'Empereur en disant:

«Mais cela doit être très plaisant, ne me privez pas de ce spectacle».

Le comte resistait toujours, alors l'Empereur haussant sa voix lui dit:

— «Voulez-vous donc que je vous l'ordonne comme votre souverain?»

Le comte devait se resigner et alors commença la scènée du matin; quand la conversation fut fini N. N. eut un peu de peine à prendre l'Empereur par les épaules et le faire sortir par la porte, lorsqu'il lui cria de l'autre chambre: «фуражку-то не забудь».

L'Impératrice se pâmait de rire, mais l'Empereur ne se repentait-il pas d'en avoir agi ainsi avec le comte. Aussi dès que tout fut fini l'Empereur avec beaucoup d'émotion se jetta dans les bras de N. N. et le serra fortement contre son coeur en lui demandant pardon.

Великой княжнѣ Ольгѣ Николаевнѣ было уже 16 лѣтъ, какъ она еще ни на какомъ балѣ не была; императрица Александра Федоровна изъявила желаніе свое видѣть ее у себя на балѣ на Елагиномъ островѣ. Анна Алексѣевна Окулова, приготовивъ великой княжнѣ прелестное, но съ этимъ вмѣстѣ и простое бѣлое платье, повезла ее на Елагинъ островъ и сама мнѣ Анна Алексѣевна рассказывала, что какъ она ввела ее въ залъ, который былъ весь украшенъ померанцевыми и другими деревьями и цвѣтами въ самомъ изящномъ вкусѣ, великая княжна была въ такомъ восхищеніи, любовалась всѣмъ и «мнѣ казалось, примолвила Анна Алексѣевна, что не могла быть прелестнѣе и невиннѣе ее прародительница наша Ева, когда она себя увидѣла въ первый разъ въ раю». Всѣхъ плѣнила великая княжна своею красотою и еще болѣе своею скромностью. Анна Алексѣевна была внѣ себя отъ радости, видя какъ дорогая питомица ея всѣмъ правилась и тутъ же мнѣ рассказала много, много хорошаго о великой княжнѣ.....

Будучи въ Нижнемъ-Новгородѣ, я увидѣла листъ бумаги, на которомъ былъ вырѣзанъ рисунокъ: цвѣты и листья; поднявъ листъ къ свѣту, нельзя было не любоваться съ какимъ искусствомъ вырѣзанные листья и цвѣты были подняты и скруглены; я была въ восхищеніи

и, приѣхавъ въ Петербургъ, приспособила такого рода вырѣзки къ абажурамъ и къ рамочкамъ для окошекъ. Видя, какъ всѣмъ это нравилось, я сдѣлала для великой княжны Александры Александровны четыре рамки на окошки (послѣ ея кончины ихъ перенесли на окошки къ великому князю Николаю Александровичу); всѣ любовались ими и однажды Государь Николай Павловичъ, войдя къ внучкѣ съ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ, остановилъ его у двери и спросилъ, указывая на рамочки.

«Michel, qu'est ce que c'est?»

— C'est du marbre doublé de rouge, répondit le grand Duc.

«Non, tu te trompes!»

— Eh bien, c'est une espèce de lithofanie.

«Non, dit encore l'Empereur, c'est simplement du papier, du goût et du savoir faire!»

Государь Николай Павловичъ, будучи на экзаменѣ въ Смольномъ монастырѣ, былъ всѣмъ очень доволенъ и при прощаньи, обернувшись ко второму классу, сказалъ:

— «Общайтесь, дѣти, молитесь за меня».

Не странное ли это дѣло? Выпускныя барышни всѣ разлетѣлись, а одинъ второй классъ находился на всѣхъ панихидахъ, которыя служили по немъ.

Будучи въ обществѣ съ княгиней Долгоруковой (1854 г.), стали мы говорить о политическихъ дѣлахъ, о разныхъ пиратскихъ поступкахъ англичанъ въ Балтійскомъ морѣ и какъ всякій изъ насъ не находить достойнаго имъ наказанія.

Истинно, сказала я, сама себя не узнаешь; столько сердце ожесточено противъ нихъ, даже христіанскаго чувства въ себѣ не находишь.

— C'est absolument ce que m'a dit l'Empereur Nicolas, me dit la princesse; n'est ce pas que nous ne nous reconnaissons pas? Il n'y a pas de mal que nous ne leur désirions. Nous n'éprouvons pas même l'ombre d'un sentiment chrétien pour eux.

На дняхъ приѣхалъ сюда фельдъегерь изъ Севастополя. Государь не могъ, будучи занятъ, принять его тотчасъ; фельдъегерь, изнуренный длиннымъ и скорымъ путешествіемъ, заснулъ дожидая государя; наконецъ Его Величество приказалъ къ Себѣ позвать фельдъегеря; стали его будить и никакъ разбудить никто не можетъ, пришли это сказать Государю, который, засмѣясь, сказалъ: «Я знаю средство»,

пошелъ къ спящему и громко закричалъ: «ваше благородіе, лошади готовы»!

Въ ту же минуту фельдъегерь былъ ужъ на ногахъ.

[Записано въ 1855 году].

Жерве.

Любимъ Карловичъ Жерве служилъ въ 1807-мъ году и былъ при Аустерлицѣ раненъ въ ногу, которую у него и сняли благополучно, такъ что онъ имѣлъ счастье воспитать и приготовить отлично на службу младшаго сына своего Петра Любимовича, которому поручена была постройка батареи въ Севастополѣ возлѣ Корнилова бастиона, названной его именемъ батареи Жерве. Построивъ ее, онъ защищалъ безотлучно батарею во все время осады Севастополя и за мѣсяцъ до отступленія нашихъ войскъ отъ южной стороны, Петръ Любимовичъ былъ раненъ въ лѣвую руку, у которой былъ оторванъ палецъ и оконтуженъ въ другую и его унесли на перевязочный пунктъ. На его батарею былъ раненъ Тотлебенъ пулею въ икру; рана была незначительна, пришелъ докторъ и желая узнать глубину раны, не имѣя зонда, опустилъ въ нее свой палецъ; въ эту самую минуту разорвало возлѣ нихъ бомбу, которая, оконтуживъ доктора, судорогой свела ему всю руку и пальцы такъ, что онъ не могъ вынуть пальца, который былъ въ ранѣ у Тотлебена, боясь скрючившимъ пальцемъ увеличить ее. Страданіе Тотлебена было ужасное и прекратилось только тогда, какъ принесли горячей воды и ею уничтожили судорогу въ рукѣ у доктора; но этотъ случай былъ причиною, что у Тотлебена нога разболѣлась, потому что сдѣлалось сильное воспаление, но теперь, съ помощью Божьей, онъ уже ходитъ и оставилъ свои костыли.

Когда молодой Жерве вернулся сюда, то почтенный его отецъ съ чувствомъ сказалъ ему:

—«Благодарю Бога, что ты 10 мѣсяцевъ такъ храбро защищалъ твою батарею и что не ты ее сдалъ неприятелю!»

Въ одно утро бомба упала возлѣ временнаго порохового погреба на Малаховомъ курганѣ и произвела пожаръ; контръ-адмиралъ Истоминъ, при которомъ находился лейтенантъ Батяновъ, обращаясь къ нему, сказалъ:

— «Ну, Батяновъ, вотъ случай получить Георгіевскій крестъ», и указалъ на пороховой складъ.

Батяновъ первый бросился туда, платье на немъ все истлѣло, самъ получалъ контузію, обжегъ голову и совсѣмъ было оглохъ на одно ухо, но большая часть порохового запаса была спасена.

Во время осады Севастополя, въ самую тяжелую минуту Корниловъ закричалъ войску: «Отступленія не будетъ и тотъ подлецъ, кто не заколетъ меня, если я прикажу бить отбой!»

Когда князь Горчаковъ рѣшился оставить южную сторону Севастополя, то онъ предложилъ нѣкоторымъ инженерамъ сдѣлать проектъ на построеніе моста черезъ Севастопольскую бухту; инженерный генералъ Александръ Ефимовичъ Бухмейеръ былъ одинъ изъ тѣхъ, на которыхъ былъ возложенъ великій этотъ трудъ. Сообразивъ планъ и написавъ его, Бухмейеръ принесъ его къ князю Горчакову, который выслушавъ его, сказалъ ему:

«Это несбыточная вещь! Неужели этотъ мостъ выдержать армію и артиллерію? Подумайте генералъ, ну если вы ихъ утопите?»

— Съ помощью Божьей, отвѣчалъ Александръ Ефимовичъ, надѣюсь благополучно ихъ доставить на ту сторону; позвольте только мнѣ самому закупить и привезти сюда весь нужный матеріалъ.

Князь согласился; Бухмейеръ отправился въ Херсонъ, сдѣлалъ всѣ нужныя закупки, самъ сопровождалъ ихъ; въ три недѣли мостъ длиною 435 сажень былъ готовъ и 27 августа 1855 года вся армія при сильномъ морскомъ вѣтрѣ перешла его; пушки въ два ряда ѣхали, а самъ Александръ Ефимовичъ стоялъ на срединѣ моста по колѣно въ водѣ; понтоны были ею покрыты, такъ сильно было движеніе войскъ и сила вѣтра. Бухмейеръ послѣдній вышелъ на берегъ и видѣвъ чудо въ благополучной этой переправѣ, кинулся на колѣни и весь въ слезахъ закричалъ:

— «Благодарю Тебя, Господи, Ты внушилъ мнѣ проектъ моста, Ты благополучно и войско черезъ него провелъ!

И точно, непріятель даже изумился, видя, что весь гарнизонъ севастопольскій перешелъ черезъ бухту счастливо у него въ виду!

У достойнаго Александра Ефимовича оставалась въ Петербургѣ жена съ единственнымъ сыномъ, который до четырехъ лѣтъ росъ какъ здоровый ребенокъ и вдругъ, послѣ жестокой болѣзни, сталъ нѣмъ и глухъ; теперь ему 20 лѣтъ и тяжелые эти недуги не перестаютъ огорчать его отца и мать, но они несутъ это горе съ христіанскою покорностью и Бухмейеръ, сообразивъ въ Севастополѣ планъ построенія моста, писалъ къ женѣ:

— «Вотъ, что мнѣ предстоитъ сдѣлать! Молись, другъ мой, и сына заставляй молиться, чтобы Господь благословилъ трудъ мой!

Говорили при императрицѣ Александрѣ Оеодоровнѣ о тяжеломъ положеніи, въ которомъ находился Севастополь и она, услышавъ этотъ разговоръ, сказала:

—*J'avais cru que mon cœur était mort à toute douleur et il palpite encore en entendant parler de Sebastopol.*

На третій день кончины государя Николая Павловича, камердинеръ императрицы, въ 9 часовъ утра, принесъ обыкновенный ея завтракъ кофе и не успѣлъ еще поставить его на столъ, какъ съ императрицей сдѣлалось дурно; она упала на руки М-me Koerberg, ея камеръюнгферы, и, жестоко рыдая, сказала:

—*L'Empereur ne déjeuner plus jamais avec moi.*

Тутъ не было ни у кого словъ утѣшать нашу царицу!....

А. О. Львовъ получилъ отъ епископа Херсонскаго Иннокентія десять молитвъ, называемыя «Постная Тріодія», на которыя онъ просилъ его сочинить музыку, что тотъ и исполнилъ, и Иннокентій былъ ими очень доволенъ. Какъ это время всѣмъ было не до музыки, Львовъ и устроилъ такъ, что человѣкъ 14 придворныхъ лучшихъ пѣвчихъ приходили вечеромъ къ нему, садились всѣ около стола, онъ дирижировалъ и пѣвчіе пропѣвали нѣсколько изъ этихъ молитвъ съ такимъ совершенствомъ, что истинно слушать невозможно было ихъ равнодушно!

Дошелъ слухъ объ этомъ пѣніи до великой княгини Ольги Николаевны, которая сюда пріѣхала съ мужемъ къ похоронамъ государя Николая Павловича. Она прислала сказать Львову, что желаетъ слышать эти молитвы и назначила одну изъ своихъ залъ. Г-жу Львову тоже пригласила на вечеръ и она съ мужемъ поѣхала во дворецъ, но ранѣе назначеннаго часа, чтобы устроить музыку, какъ устроивалось у насъ на этихъ музыкальныхъ вечерахъ; но лишь только А. О. Львовъ хотѣлъ приказать поставить столъ и стулья, приходитъ великая княгиня Ольга Николаевна и, утѣшивъ Львова и жену его ласковымъ и милостивымъ своимъ приемомъ, сказала:

—*Mon cher Алексѣй Оеодоровичъ, il faut déménager, Maman voudrait entendre ces prières.*

Все было перенесено въ комнаты императрицы, Александры Оеодоровны, куда вскорѣ и царствующая государыня и великіе князья и нѣкоторыя фрейлины пришли. Начали пѣть и вдовствующая Императрица пришла, сѣла и залилась слезами. Какъ кончили молитву она подошла къ А. О. Львову и сказала:

—*Lvoff, Lvoff, quel monde de souvenirs en vous voyant.*, дала ему

ручку подѣловать, и вы можете себѣ представить, какъ онъ былъ самъ разстроенъ, увидя, какое его музыка сдѣлала впечатлѣніе на нашу царицу; вспомнила она, какъ въ самой этой комнатѣ сколько было пріятныхъ веселыхъ вечеровъ у нея, а теперь кромѣ горя и слезъ и самое пѣніе ничего не производило. Какъ кончили, всѣ премного благодарили А. Ѳ. Львова и пѣвчихъ, которые, точно, привели всѣхъ въ восхищеніе. На другой день, боясь, что пѣніе это не слишкомъ бы разстроило Императрицу, я поѣхала узнать отъ Бартеновой, какъ почивала Государыня.

«Слава Богу, очень хорошо, сказала она мнѣ, хотя и много плакала».

Въ нынѣшнемъ 1857-мъ году Государь Наслѣдникъ Николай Александровичъ разговаривалъ съ духовникомъ Божановымъ «о трудности царствовать».

— Точно, Ваше Высочество, отвѣчалъ духовникъ, это не легкую ношу возлагаетъ Господь на плечи царей.

«Особенно, сказалъ Наслѣдникъ, труденъ выборъ людей; научите, что долженъ дѣлать царь, чтобы умѣть людей выбирать!»

— Во первыхъ, отвѣчалъ духовникъ, молиться Богу и просить Его помощи; во вторыхъ, не окружать себя ширмами, изъ-за которыхъ рѣшительно царь никого не узнаетъ и едва ли кого услышитъ.

У Прасковьи Николаевны Боровадиной была дочь Дашенька, которая скончалась 9-ти лѣтъ; она удивляла насъ своимъ умомъ всегда, но однажды особенно изумила она насъ. Между молодыми людьми, по большей части нашими родными, былъ Михайлъ Александровичъ Бакунинъ, (который впослѣдствіи, въ 1848 году, первый въ Дрезденѣ зажегъ прелестный дворецъ Цвингеръ), и онъ, будучи пріятной очень наружности, угождалъ нашимъ барышнямъ, которыя и отличали его отъ другихъ молодыхъ людей. Дашенька это примѣтила и однажды имъ сказала:

— Не вѣрьте, барышни, всему тому, что говоритъ вамъ Михайлъ Александровичъ; въ глаза онъ вамъ говоритъ одно, а я сама слышала, какъ за глаза говоритъ совсѣмъ другое, онъ точно какъ погребенные гробы въ Евангеліи: бѣлы и красивы сверху, а внутри кости и всякая нечистота!»

Точно, какъ будто ребенокъ этотъ предвидѣлъ, что будетъ со временемъ; Бакунинъ велъ себя такъ дурно въ чужихъ краяхъ, что Саксонскій король, продержавъ его нѣсколько лѣтъ въ тюрьмѣ, не хотѣлъ болѣе его имѣть въ Дрезденѣ и возвратилъ его сюда и онъ, говорятъ, по сію пору находится въ крѣпости.

[Записано въ 1854 году].